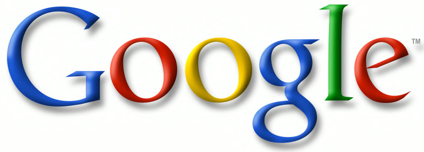

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

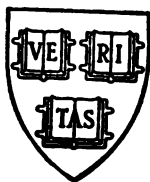
учрежденныхъ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

17 Апрѣля 1852 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1852.

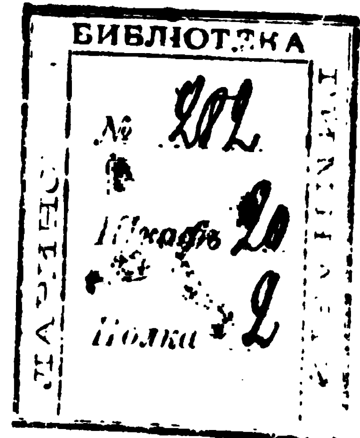
ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

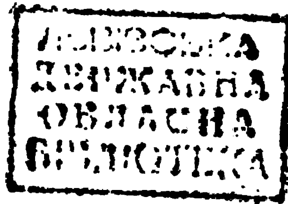
УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

17 Апрѣля 1852 года.

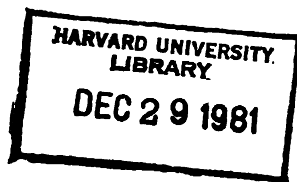

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

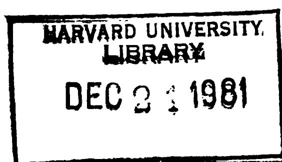
1852.

Издано по опредѣленію Академіи Наукъ.

17 Апрѣля 1852 года.

Непремѣнный Секретарь *П. Фусъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Общій отчетъ о двадцать первомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, составленный Непремѣннымъ Секретаремъ Императорской Академіи Наукъ и читанный въ публичномъ собраніи сей Академіи, 24 мая 1852 года. 1

Разборъ сочиненія Проф. Д-ра Правъ Неволина подъ заглавіемъ: Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ. Санктпетербургъ, 1851. 8⁰. Составленный Профессоромъ Московскаго Университета *Г. Морошкинымъ* 25

Разборъ изданія Генералъ-Лейтенанта Барона Зедделера подъ заглавіемъ: Военно-Энциклопедическій Лексиконъ. Санктпетербургъ, 1837—1851. 8⁰, XIV Томовъ. Составленный Генералъ-Лейтенантомъ Барономъ *Медемомъ*. 43

Отзывъ Академика *Устрялова* о Лексиконѣ Г. Зедделера 63

Разборъ сочиненія: Die Schweden an den Küsten Ehstlands und auf Runö. Eine historisch-ethnographische Untersuchung von C. Russwurm, Inspector der Schulen zu Hapsal. MS. Составленный Ординарнымъ Академикомъ *Шегреномъ* 71

Разборъ сочиненія Профессора П. Ильенкова подъ заглавіемъ: Курсъ Химической Технологіи. Санктпетербургъ, 1851. 8⁰. III Тома, съ Атласомъ и Политипажами. Составленный Академиками *Ленцомъ*, *Якоби* и *Фрицше* 81

Разборъ сочиненія Проф. Кудрявцева подъ заглавіемъ: Судьбы Италіи отъ паденія западной Римской Имперіи, до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Москва 1851. 8⁰. Составленный Профессоромъ *Лоренцомъ* 87

Разборъ сочиненія Инспектора Государственныхъ Архивовъ, состоящихъ при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената П. И. Иванова подъ заглавіемъ: Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ. Москва 1850. 8⁰. Составленный Академикомъ *Устряловымъ* 95

Стр.

Разборъ сочиненія Мирзы А. Казембега подъ заглавіемъ: Derbend Nameh, or the History of Derbend, translated from a select turkish version and published with the texts and with notes, illustrative of the history, geography, intiquities et by mirza A. Kazembeg. St. Petersbourg (Mémoires des savans étrangers. T. VI). Составленный Ординарнымъ Академикомъ *Дорномъ*. . . 101

Разборъ сочиненія Директора II Гимназіи въ Одессѣ, М. Беккера подъ заглавіемъ: Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисеена, въ отношеніи къ древнимъ его колоніямъ. Одесса 1851. 4⁰. Составленный Академикомъ *Стефани*. 111

Разборъ сочиненія Профессора Пахмана подъ заглавіемъ: О Судебныхъ Доказательствахъ по Древнему Русскому Праву, преимущественно Гражданскому въ Историческомъ ихъ развитіи. Москва, 1851, 8⁰. Составленный Профессоромъ С. Петерб. Университета *Баршевымъ* 115

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

О

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

И ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ СЕЙ АКАДЕМІИ,

24 мая 1852 года.

Приступая къ отчету о двадцать первомъ Демидовскомъ Конкурсѣ, долгомъ считаемъ представить вамъ напередъ изданный въ прошломъ году общій обзоръ перваго двадцатилѣтія сего истинно патріотическаго учрежденія. Изъ таблицъ, составляющихъ сей обзоръ, между прочимъ усматривается, что всѣхъ соискательныхъ сочиненій, представленныхъ Академіи въ сей періодъ времени, было 511, и въ томъ числѣ не болѣе 81 рукописи и 71 сочиненія не на русскомъ языкѣ; премій роздано *полныхъ* 33 на сумму 47,135 рублей сер., *второстепенныхъ* 128 на сумму 91,410 руб.; на изданіе 16-ти увѣнчанныхъ рукописныхъ сочиненій употреблено 12,712 руб. и медалей золотыхъ постороннимъ рецензентамъ роздано 57, на сумму 1815 руб. Особенно занимательна вѣдомость объ удостоенныхъ сочиненіяхъ по предметамъ, изъ которой мы извлечемъ здѣсь одни только численныя отношенія

По части	выдано премій полныхъ.	второстепенныхъ.	
Богословія	—	1	(1)
Философіи	1	1	(2)
Математики	1	17	(18)
Метрологіи	1	1	(2)
Астрономіи и Геодезіи	2	4	(6)
Военныхъ и Морскихъ Наукъ	2	8	(10)
Химіи и Физики	1	1	(2)
Геогнозіи и Минералогіи	—	6	(6)

По части	выдано премій полныхъ.	второстепенныхъ.	
Естественныхъ Наукъ	1	8	(9)
Медицины	2	8	(10)
Промышленности	1	4	(5)
Теоріи и Исторіи Словесности	1	5	(6)
Классич. Филологіи и Археологіи . .	—	6	(6)
Восточныхъ Языковъ	4	5	(9)
Лингвистики и Лексикографіи	4	6	(10)
Географіи и Статистики	—	10	(10)
Гидрографіи	2	2	(4)
Этнографіи.	—	2	(2)
Политической Экономіи	—	1	(1)
Исторіи	6	12	(18)
Нумизматики.	1	2	(3)
Правовѣдѣнія	—	7	(7)
Путешествій	5	5	(10)
Архитектуры.	—	1	(1)
Педагогики . . . . . . , ...	—	4	(4)

Одинъ взглядъ на эту таблицу, обнимающую двадцатилѣтній періодъ, показываетъ, что изъ всѣхъ отраслей человѣческихъ знаній, Науки *Математическія* и *Исторія* обработываются въ Отечествѣ нашемъ съ наибольшимъ усердіемъ и успѣхомъ, ибо по каждому изъ сихъ предметовъ роздано не менѣе 18-ти премій. За тѣмъ, наибольшее число премій, именно по 10-ти, пало

на Науки Военныя и Морскія
на Науки Врачебныя
на Лингвистику и Лексикографію
на Статистику
и на Путешествія.

Труды по части Естественныхъ Наукъ и Восточной Словесности также по 9-ти разъ были взыскиваемы наградами. — Если же принять во вниманіе однѣ только *полныя* преміи, т. е. предложить себѣ вопросъ: по какимъ предметамъ вышло наиболѣе

первоклассныхъ твореній, имѣющихъ значеніе въ общей Европейской Литературѣ? то порядокъ послѣдовательности нѣсколько измѣнится. Исторія, правда, опять займетъ первое мѣсто: на долю ея выпало неменѣе *шести* полныхъ премій. Но за нею, слѣдуютъ на первомъ планѣ

Путешествія съ *пятью*

Восточные языки съ *четырмя*

и Лингвистика и Лексикографія съ *четырмя* же полными преміями. На прочіе же предметы выходитъ по одной или по двѣ полныя преміи; а многіе и вовсе ими отличены не были.

На основаніи послѣдней статьи положенія о Демидовскихъ наградахъ, Академія, по случаю минованія сему учрежденію четвертаго пятилѣтія, подвергала Положеніе новому разсмотрѣнію, и сохранивъ въ немъ, какъ и слѣдовало, всѣ существенныя постановленія, ограничилась одними лишь формальными перемѣнами и дополненіями, заключающимися въ слѣдующемъ: во 1-хъ измѣненъ порядокъ статей соотвѣтственно хронологической послѣдовательности дѣлопроизводства, т. е. начиная съ открытія, въ каждомъ году, конкурса, до публичнаго провозглашенія приговора Академіи. Сей порядокъ, за неимѣніемъ другой системы, казался самымъ естественнымъ; во 2-хъ росписаніе разрядовъ сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій и изъятыхъ отъ права соисканія дополнено по указанію двацатилѣтняго опыта и укоренившемуся обычаю; выраженію дано болѣе точности и опредѣлительности, и предметы расположены по системѣ болѣе логической; въ 3-хъ прибавлены позднѣйшія постановленія, частію одобрѣнныя Учредителемъ и утвержденныя *Высочайшею* Властію, какъ то о медаляхъ для стороннихъ Рецензентовъ, частію состоявшіяся по опредѣленіямъ Академіи, какъ то правила о наряженіи Демидовскихъ Коммиссій и о порядкѣ собиранія голосовъ въ присужденіи премій, частію же установившіяся въ видѣ обычая и оправданныя опытомъ. Наконецъ въ 4-хъ выпущена одна статья, именно XV-ая Изданія 1847 года, не существовавшая въ первыхъ изданіяхъ и оказав-

шаяся на опытѣ неудобоисполнимою. Составившаяся такимъ образомъ новая редакція Положенія сообщена была на предварительное разсмотрѣніе брату Учредителя, завѣдывающему въ качествѣ Опекуна имѣніемъ его, и имъ вполнѣ одобрѣна. Въ послѣднемъ Конкурсѣ она, подъ названіемъ *Изданія 1851-го года* имѣла уже обязательную силу.

Обратимся теперь къ послѣднему, двадцать первому Конкурсу, — предмету настоящаго нашего Отчета. Къ сему Конкурсу доставлено было, въ срокъ, отъ самихъ Сочинителей, 23 номера, да внесено Академиками, въ силу предоставленнаго имъ, статьею VII Положенія, права, два номера. Сіи двадцать пять номеровъ могутъ быть подведены подъ разряды наукъ слѣдующимъ образомъ:

Сочиненій, относящихся до Исторіи; также Сборниковъ и Указателей историческихъ источниковъ	6
Археологическихъ Сочиненій	2
По части Военныхъ Наукъ и Правовѣдѣнія по *три*, и того .	6
По Технологіи	2
По Географіи, Этнографіи, Восточной Словестности, Медицинѣ, Лексикографіи и Архитектурѣ по *одному*, и того	6
Сверхъ того *одно* Изобрѣтеніе	1
и наконецъ, *одно* сочиненіе, оказавшееся принадлежащимъ къ разряду изящной Словесности	2
И того . . .	25

Сочиненій, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ было *три;* рукописныхъ сочиненій не болѣе *двухъ*. Шестнадцать номеровъ разсмотрѣно и разобрано, въ средѣ Академіи, дѣйствительными ея членами: Вишневскимъ, Гамелемъ, Струве, Ленцомъ, Якоби, Фрицше, Востоковымъ, Плетневымъ, Кеппеномъ, Шёгреномъ, Устряловымъ, Дорномъ, Стефани и Куникомъ. Сверхъ того, *девять* стороннихъ Рецензентовъ, частію по вызову самой Ака-

деміи, частію по назначенію С. Петербургскаго и Московскаго Университетовъ, С. Петербургской Духовной Академіи и Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ принимали дѣятельное участіе въ оцѣнкѣ Конкурсныхъ сочиненій.

Премій присуждено въ семъ году полное количество, именно: *первостепенныхъ*, въ 1428 руб. *двѣ:* Профессору С. Петербургскаго Университета Статскому Совѣтнику *Неволину* и наслѣдникамъ умершаго Генералъ-Лейтенанта Барона *Зедделера;* — *второстепенныхъ*, въ 714 руб. *четыре*: Инспектору училищъ въ Гапсалѣ *Руссвурму*, Экстраординарному Профессору С. Петербургскаго Университета *Ильенкову*, Адъюнкту Московскаго Университета *Кудрявцеву* и Инспектору Государственныхъ Архивовъ, состоящихъ при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената Статскому Совѣтнику *Иванову*. На изданіе же замѣчательнаго рукописнаго труда Г. Руссвурма назначено 1000 руб. сер.

Если предъ симъ уже замѣчено было, что Демидовское учрежденіе можно уподобить ристалищу, на которое ежегодно собираются бойцы испытывать свои силы и умѣніе владѣть оружіемъ, то дѣйствительно оно съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе соотвѣтствуетъ этому подобію. Сначала бойцы только съ робостію выходили на состязаніе, да и изъ нихъ нѣкоторые являлись только на угадъ; иныхъ сами судьи должны были выводить на арену, и вообще, въ присужденіи наградъ соблюдалась крайняя снисходительность. Но по мѣрѣ бóльшаго развитія учрежденія, росло и соперничество; ристатели выступали на поприще съ полнѣйшимъ чувствомъ своихъ силъ; судьи стали взыскательнѣе и все труднѣе становилось стяжать вѣнокъ побѣдителя.

I.

Изъ совмѣстниковъ нынѣшняго нашего Конкурса, одинъ выступаетъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ, какъ испы-

танный уже знатокъ дѣла на важномъ и много знаменательномъ въ быту Государства поприщѣ отечественнаго законовѣдѣнія. Это авторъ уже увѣнчанной преміею *Энциклопедіи правъ*, Профессоръ здѣшняго Университета *Неволинъ*. Новѣйшее его сочиненіе

История Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ. III Тома. Спб. 1851. 8°

уже до появленія своего возбуждало нетерпѣливыя ожиданія нашихъ Юристовъ и просвѣщенной Публики. Нынѣшнему достославному Царствованію принадлежитъ безсмертная заслуга приведенія въ ясность русскаго Законодательства. Когда нашъ незабвенный Трибоніанъ еще занимался осуществленіемъ этой высокой мысли вѣнценоснаго своего Юстиніана, онъ съ прозорливостію опытнаго мужа Государственнаго предсказалъ, что Неволинъ принесетъ нѣкогда великую пользу и честь отечественному законовѣдѣнію, и прорицаніе это сбылось: настоящій подвигъ Г-на Неволина можно почесть какъ бы естественнымъ и необходимымъ развитіемъ достославнаго подвига Графа Сперанскаго.

Рецензентъ, разсматривавшій книгу Г-на Неволина, по порученію Московскаго Юридическаго Факультета, Профессоръ Морошкинъ, между прочимъ, говоритъ въ своемъ разборѣ, что «появленіе сей книги соотвѣтствуетъ настоящей эпохѣ юридическаго образованія въ Россіи. Господство исторической методы изученія законодательствъ въ земляхъ Римскаго Права отозвалось и въ нашемъ Отечествѣ; съ тою разницею, что тамъ историческое направленіе есть слѣдствіе высшихъ началъ вѣдѣнія и служитъ повѣркою оныхъ; тогда какъ въ Россіи оно есть первоначальное, непосредственно данное наукою. По сему сочиненіе Г-на Неволина есть самое естественное явленіе въ области русской юридической Литературы . . .» «Исторія русскаго законодательства представляетъ разрозненное обширное цѣлое за-

коновъ прошедшаго времени; почему обязанность ученаго юриста состоитъ въ томъ, чтобъ сію нестройную массу привести въ стройный порядокъ и сдѣлать ее доступною для нашаго разумѣнія.» За симъ, приступая къ разсмотрѣнію вопроса, въ какой мѣрѣ Авторъ удовлетворилъ этой задачѣ, Рецензентъ ссылается на собственное сознаніе Г-на Неволина «что предметъ его сочиненія такъ обширенъ, и такъ мало до сихъ поръ былъ разработываемъ во всей общности его частей, что еще долго любители отечественнаго законовѣдѣнія будутъ испытывать надъ нимъ свои силы, тѣмъ болѣе, что онъ и не можетъ быть совершенно изслѣдованъ отдѣльно отъ другихъ частей исторіи законодательства, къ которымъ онъ прикасается и въ которыя переходитъ». «Изъ столь вѣрно изображеннаго Авторомъ состоянія науки, продолжаетъ рецензентъ, явствуетъ, что сочиненіе его есть опытъ, предлагаемый на судъ публики съ скромностію Ученаго, не поверхностно и не самонадѣянно смотрящаго на свой предметъ. Тѣмъ не менѣе однакоже Г. Неволинъ приступаетъ къ рѣшенію сей задачи со всѣми пріемами Ученаго, прослѣдившаго идею права во всемірномъ ея развитіи и изучившаго классическія законодательства Греціи, Рима и новѣйшихъ Европейскихъ Государствъ.»

Обозначивъ потомъ вкратцѣ предѣлы, въ какихъ Г. Неволинъ обработалъ заданную имъ себѣ тему, Рецензентъ выражаетъ свое сужденіе объ этомъ важномъ трудѣ въ слѣдующихъ словахъ:

«Разсматривая образъ воззрѣнія Г-на Неволина на составленіе Исторіи Русскихъ гражданскихъ законовъ, мы должны признать, что онъ совершенно удовлетворяетъ требованіямъ науки въ современномъ ея состояніи. Всѣ стороны предмета, подлежащія ученому разсмотрѣнію, открыты и сознаны; способъ самаго разсматриванія правиленъ и обширенъ; задача превосходно опредѣлена, способы ея рѣшенія благонадежны и вѣрны, трудности въ исполненіи предусмотрѣны и объяснены современнымъ состояніемъ Россійскаго законодательства и науки права. — Все

прекрасно, удовлетворительно.» Но вслѣдъ за этимъ лестнымъ отзывомъ, Г. Морошкинъ изъявляетъ сожалѣніе свое о томъ, что Авторъ отказался отъ одной части своей задачи, къ разрѣшенію которой онъ имѣетъ у насъ наиболѣе призванія, а именно отъ изложенія исторіи гражданскихъ законовъ въ формѣ движенія идеи закона, которую предназначено Русскому народу раскрыть въ своихъ законахъ, въ связи съ цѣлою народною жизнію, въ связи со всѣми обстоятельствами, имѣвшими вліяніе на сію жизнь. Собственное извиненіе Г-на Неволина, «что будто Русскій народъ, неизгладимыми чертами записавши свое имя въ лѣтописяхъ всемірной исторіи, еще не вполнѣ выразилъ свой духъ, не вполнѣ обнаружилъ все могущество своей природы въ наукѣ, въ искуствѣ, въ законодательствѣ,» — и что посему еще слишкомъ рано опредѣлить всемірно-историческое значеніе дѣятельности русскаго народа, — Рецензентъ допускаетъ только отчасти. «Конечно, говоритъ онъ весьма справедливо,» теоретическіе взгляды въ исторіи не всякому позволительны: поверхностная ученость, юное воображеніе, лѣнивый умъ не даютъ на это права; но ученый юристъ, начертавшій превосходную теорію постепеннаго развитія и образованія законодательствъ, и проведшій ее послѣдовательно чрезъ весь рядъ всемірной исторіи законодательствъ, безъ сомнѣнія имѣлъ бы право сообщить намъ идею, духъ отечественнаго законодательства... Безъ сего теоретическаго взгляда на законодательство, фактическая его сторона представляется темною, необъятною; ибо она не есть собственность нашего духа, ищущаго во всемъ и вездѣ только самаго себя и удовлетворяемаго только самимъ собою... При повсемѣстномъ, неудержимомъ стремленіи не призванныхъ умовъ къ будущему, не безполезно было бы слышать голосъ человѣка глубокомысленнаго, спокойнаго духомъ, философски умѣреннаго въ жизни, слышать его голосъ о всемірно-историческомъ значеніи и призваніи Русскаго законодательства. Въ учебномъ отношеніи, теоретическій взглядъ человѣка мыслящаго былъ бы въ высокой степени полезенъ и тѣмъ, что онъ возбудилъ

бы живую, полемическую дѣятельность въ молодыхъ умахъ, заставилъ бы ихъ отыскивать факты къ подтвержденію новыхъ положеній, или къ опровержевію новыхъ погрѣшностей и ошибокъ. Жизненность науки условливается не одними фактами, данными природою, а теоретическимъ взглядомъ Ученыхъ; дающимъ значеніе, мысль этимъ фактамъ.

Вошедъ далѣе въ разсмотрѣніе, на какія части дѣлится все сочиненіе Г-на Неволина, Рецензентъ замѣчаетъ на счетъ самаго способа изложенія предмета: «входить въ разборъ каждаго положенія Автора нѣтъ никакой надобности. Должно принять за истину, что всѣ его положенія почерпнуты изъ источниковъ, скрѣплены цитатами и повѣрены здравою критикою. Вѣрность и точность сужденій у Г-на Неволина достигаютъ образцоваго достоинства, равно какъ и историческій его даръ,» а потомъ, занявшись ближайшимъ изслѣдованіемъ главныхъ составныхъ частей книги, Г. Морошкинъ подводитъ всѣ объ ней сужденія подъ слѣдующій итогъ: «Сочиненіе показываетъ въ Авторѣ обширный систематическій умъ, отличную ученость, классическое искуство въ изложеніи предмета и достойную всякаго уваженія любовь къ отечественному законо-вѣдѣнію. Это свидѣтельствуется и прежними его сочиненіями, изъ коихъ каждое приноситъ честь Русской юридической Литературѣ.» Не нужно прибавить, что судьи, послѣ такой похвалы, единогласно и съ удовольствіемъ поспѣшили увѣнчать достойнаго состязателя подобающимъ ему лавромъ.

II.

Если первый побѣдитель при нынѣшнемъ ристаніи обязанъ своимъ торжествомъ надъ прочими соперниками полному знанію своего дѣла, то второй восторжествовалъ болѣе силою и постоянствомъ своей воли. Но этаго рода побѣда иногда покупается дорогою цѣною, и бывали примѣры, что доблестнѣйшій витязь сокрушался отъ сверхъестественной натуги, передъ самымъ достиженіемъ цѣли. Такъ и въ настоящемъ случаѣ второй вѣнокъ

побѣды палъ на могилу смѣлаго бойца, который въ пылу состязанія упустилъ изъ виду соразмѣрить свои силы съ продолжительностію напора.

То было, безъ сомнѣнія, смѣлое предпріятіе, за которое взялся покойный Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Зеддлеръ, рѣшившись снабдить нашихъ Офицеровъ вдругъ цѣлою Библіотекою необходимыхъ для ихъ званія познаній: потому что таковою, а не отдѣльнымъ только сочиненіемъ, является намъ изданный подъ его редакціею

Военно-Энциклопедической Лексиконъ въ XIV томахъ С. Петерб. 1837 — 1851. 8°.

Первое, что въ особенности поражаетъ приступающаго къ разсмотрѣнію Военно-Энциклопедическаго Лексикона, — говоритъ почтенный рецензентъ, Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Медемъ, — это огромность труда, составляющаго 14 томовъ или 600 листовъ мелкой печати въ два столбца, и слѣдовательно достаточнаго, по массѣ своей, для наполненія 40 томовъ обыкновенной печати. Такая, съ перваго взгляда несовмѣстная съ цѣлію спеціальнаго изданія обширность произошла отъ того, что редакторъ, соображаясь съ настоящими потребностями нашихъ офицеровъ, и съ трудностію добывать или возить съ собою много книгъ, во время ихъ переходовъ изъ одного мѣста въ другое, желалъ собрать во едино свѣдѣнія не только о чисто военныхъ предметахъ, но и о разныхъ соприкосновенныхъ съ ними наукахъ, чѣмъ, по справедливому замѣчанію рецензента, достигнута еще другая цѣль, а именно, лексиконъ сдѣлался полезнымъ и для невоенныхъ людей, замѣнивъ имъ отчасти недостатокъ спеціальныхъ лексиконовъ по разнымъ отдѣльнымъ отраслямъ наукъ. Для основательнаго и безпристрастнаго сужденія о такомъ трудѣ, каковъ Лексиконъ Барона Зедделера, необходимо прежде всего изслѣдовать, что въ немъ заимствовано изъ иностранныхъ словарей подобнаго содержанія, и что соста-

вилось собственными трудами редакціи. Г. Рецензентъ показываетъ, что Баронъ Зеддлеръ принялъ за главное основаніе своей Энциклопедіи издававшійся съ 1833 года, отдѣльными выпусками, Военный Словаръ фонъ деръ Люге (von der Lühe), а сверхъ того, по разнымъ статьямъ руководствовался словаремъ битвъ и осадъ Кауслера *) и извѣстною универсальною энциклопедіею Пирера **). Но объемъ всего, заимствованнаго изъ иностранныхъ словарей, не превышаетъ третьей доли Русскаго Лексикона. Вся остальная часть есть неотъемлемая принадлежность Редакціи. Къ этому разряду относятся статьи: по части теоріи Военнаго искуства, Артиллеріи и Инженернаго искуства, Геодезіи, Военнаго искуства въ древніе и средніе вѣки (статьи сего послѣдняго отдѣла составлены почти всѣ, и весьма удовлетворительно, самимъ редакторомъ, на основаніи прежде имъ изданной Исторіи Военнаго искуства), далѣе всѣ походы новѣйшаго времени, — въ описаніи которыхъ, сверхъ Б. Зеддлера, участвовали Гг. Горемыкинъ, Богдановичь, Висковатовъ, Языковъ, Милютинъ, Козляниновъ и Минквицъ, — отдѣльныя описанія сраженій, относящихся къ новѣйшимъ походамъ, статьи по части военной географіи, біографіи многихъ полководцевъ, и наконецъ статьи, непосредственно до Россіи касающіяся. Всѣ сіи статьи придаютъ Военно-Энциклопедическому Лексикону высокое достоинство, какъ національному ученому труду, потому что почти исключительно основаны на однихъ туземныхъ источникахъ и обработаны болѣе или менѣе самостоятельно.

Естественно, что первый опытъ подобнаго у насъ предпріятія не могъ обойтись безъ недостатковъ и погрѣшностей; Б. Медемъ, а еще обстоятельнѣе Академикъ Устряловъ въ своей отдѣльной рецензіи собственно историческихъ статей, указываютъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Но за всѣмъ тѣмъ, сравнивая Лексиконъ Зеддлера съ тѣми иностранными, которые наиболѣе къ

*) Kauslers Wörterbuch der Schlachten und Belagerungen.
**) Pierers Universal-Encyclopädie.

нему подходятъ по своей цѣли и объему, какъ то съ словарями фонъ-деръ-Люге и новѣйшимъ словаремъ Барденя (Bardin), Б. Медемъ отдаетъ нашему Лексикону предпочтеніе предъ первымъ въ полнотѣ и нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, а предъ вторымъ въ безпристрастіи и разносторонности взгляда. Разсматривая же Лексиконъ исключительно съ Русской точки, открываемъ въ немъ драгоцѣнное собраніе весьма многихъ, никѣмъ еще не изданныхъ свѣдѣній относительно нашего Отечества.

Переходя къ оцѣнкѣ дѣятельности самаго виновника этаго общеполезнаго труда, Г. Рецензентъ обращаетъ вниманіе Академіи на слѣдующія обстоятельства: «Уже при разборѣ Лексикона мы показали, какъ велико было участіе Б. Зедделера въ составленіи для него собственныхъ статей, и что этѣ статьи принадлежатъ вообще къ хорошимъ, и частію къ самымъ лучшимъ. Однѣ подписанныя его именѐмъ статьи въ Лексиконѣ занимаютъ въ совокупности болѣе 2000 страницъ; но кромѣ того имѣются многія сотни статей, никѣмъ не подписанныхъ, изъ которыхъ вѣроятно значительнѣйшая часть были также сочинены, или покрайней мѣрѣ переработаны самимъ редакторомъ. — Сколь бы огромно ни было такое участіе въ работахъ сотрудниковъ, — но труды Б. Зедделера па части самой редакціи были не менѣе велики и притомъ еще важнѣе: Онъ былъ не только главнымъ распорядителемъ, но, можно сказать, настоящимъ двигателемъ, истинною душою всѣхъ работъ; отыскивая и избирая сотрудниковъ, опредѣляя, какія каждому составить статьи, указывая направленіе, въ какомъ писать, источники, на коихъ основываться, и руководя даже многихъ, отчасти весьма молодыхъ своихъ сотрудниковъ при самомъ исполненіи ихъ работъ. Если такимъ образомъ уже нельзя сомнѣваться, что безъ личнаго содѣйствія редактора въ управленіи и руководствованіи работами, и безъ помощи его обширныхъ и основательныхъ знаній по военнымъ наукамъ, Лексиконъ далеко не имѣлъ бы настоящаго достоинства, — то еще менѣе подлежитъ сомнѣнію, что безъ неусыпной дѣятельности Б. Зедделера, особой энергіи, съ кото-

рою онъ стремился неуклонно къ однажды предположенной цѣли, и той твердости, съ которою преодолѣвалъ всѣ встрѣченныя имъ препятствія, — Военно-Энциклопедическій Лексиконъ неминуемо имѣлъ бы одинаковую участь со всѣми другими подобными у насъ предпріятіями, т. е. онъ остался бы неоконченнымъ.

Дѣйствительно, уваженіе наше къ Б. Зедделеру еще значительно увеличивается, если мы сообразимъ тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ довелъ до конца свой громадный подвигъ; въ какое затруднительное положеніе онъ былъ поставленъ ошибкою въ первоначальной смѣтѣ объема сочиненія, расчитаннаго впервые не болѣе какъ на шесть томовъ, — и такъ менѣе чѣмъ въ половину настоящаго его объема, — какой ударъ это нанесло предпріятію, съ появленія первыхъ трехъ томовъ, значительнымъ уменьшеніемъ числа подписчиковъ и отказомъ многихъ изъ сотрудниковъ отъ участія, а между прочими, одного изъ главныхъ по редакціи; какъ въ слѣдствіе тяжкой болѣзни самаго Б. Зедделера и отлучки его на годъ изъ столицы, дѣла Лексикона пришли въ крайнее разстройство, въ то самое время, когда и другія подобныя изданія рушились и потрясено было къ нимъ довѣріе публики; какъ, по возвращеніи своемъ изъ за границы, онъ нашелъ предпріятіе запутаннымъ въ долги и почти погибшимъ въ общемъ мнѣніи; какъ онъ въ этомъ отчаянномъ положеніи дѣлъ, рѣшился принять на себя одного всю редакцію, вмѣстѣ съ счетною и хозяйственною частію изданія, и тѣмъ успѣлъ не только довести его почти до половины, но и расплатиться съ тяготѣвшими на немъ долгами. Но въ это самое время, по довершеніи 6-го тома настала для него самая роковая минута, — прекращеніе срока *Высочайше* дарованнаго на шесть лѣтъ на изданіе Лексикона денежнаго пособія, и уменьшеніе числа подписчиковъ отъ 7500 почти до 20-й доли, въ слѣдствіе чего выручка отъ подписки оказалась далеко не соразмѣрною съ издержками печатанія и платою сотрудникамъ. Въ этомъ крайнемъ положеніи, всякій другой редакторъ вѣроятно отка-

зался бы отъ предпріятія; но въ Зедделерѣ эти трудности еще болѣе закалили твердость духа. Убавивъ задѣльную плату и число печатаемыхъ экземпляровъ до половины, онъ замѣнилъ убыль сотрудниковъ усугубленными собственными трудами, и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ пожертвовалъ на изданіе все свое собственное небольшое достояніе. Но и тутъ предпріятіе еще далеко не было бы спасено, еслибъ Царская милость не пришла ему вторично на помощь. Государь Цесаревичь, удостоивъ принять посвященіе В. Э. Лексикона *Высокому* Имени своему, испросилъ у Государя Императора новое ежегодное вспоможеніе до окончанія всего изданія. Симъ то обезпечено было продолженіе Лексикона. Но еще оставалось побѣдить много трудностей. Число соучастниковъ въ работѣ уменьшилось до 12-ти, а притомъ изъ первоначальныхъ, болѣе опытныхъ, оставалось лишь пятеро, и такъ вся главная масса работы падала на самаго Редактора, и только рѣдкой его стойкости и неутомимому трудолюбію мы обязаны за успѣшное приведеніе къ концу начатаго, за 15 лѣтъ, дѣла. Едва издавъ послѣдній XIV томъ Лексикона, Б. Зедделеръ сталъ уже помышлять о дальнѣйшемъ его усовершенствованіи, когда тяжкая болѣзнь и смерть положили предѣлъ полезной его дѣятельности.

Присудить такому труду полную награду значило не только почтить память усопшаго, какъ одного изъ ревностѣйшихъ у насъ тружениковъ науки, но и вознаградить, хотя нѣкоторымъ образомъ, осиротѣвшее бездостаточное семейство за тѣ жертвы, которыя благородный глава его столь великодушно принесъ наукѣ и обществу.

III.

Изъ сочиненій, удостоенныхъ Академіею второстепенныхъ наградъ, первое мѣсто занимаетъ обширная рукопись Г-на Руссвурма подъ заглавіемъ:

Die Schweden an den Küsten Estlands und auf Runö. Eine historisch-ethnographische Untersuchung.

И это сочиненіе есть нѣкотораго рода Энциклопедія, хотя въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, чѣмъ предъидущая, и не въ алфавитномъ, а въ систематическомъ порядкѣ статей: она заключаетъ въ себѣ Сборникъ особенно любопытныхъ для насъ, при Балтійскихъ жителей, свѣдѣній о пребываніи, на берегахъ Эстляндіи и на островѣ Рунё, потомковъ первобытныхъ Шведовъ.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, одного топографически-историческаго въ 1255 страницъ, и втораго, этнографическаго, въ 1500 страницъ; сверхъ того, изъ одного тома документовъ въ 386 страницъ съ тетрадкою картъ и разныхъ поясненій и съ атласомъ рисунковъ, изображающихъ національныя одѣянія. Въ этой обширной рамкѣ Авторъ вмѣстилъ свѣдѣнія о природѣ, топографіи и исторіи близкой къ намъ, но мало извѣстной страны, объ этнографическомъ ея бытѣ, о состояніи въ ней религіи, разныхъ отраслей промышленности, искуства, образованія и правосудія, о судебныхъ ея отношеніяхъ, словомъ обо всемъ, что можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на описываемую имъ мѣстность въ эпоху преобладанія тамъ Шведовъ.

Одного бѣглаго взгляда на сей обширный и добросовѣстный трудъ достаточно, чтобы убѣдиться, что Авторъ долженъ былъ посвятить много лѣтъ постояннаго и неутомимаго труда на собираніе и приведеніе въ порядокъ необъятнаго матеріала, помѣщеннаго въ этой дѣльной монографіи; но заслугу его, говоритъ Г. Шёгренъ, должно цѣнить тѣмъ выше, что онъ собственно не имѣлъ на этомъ поприщѣ почти ни одного предшественника, и что свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ были раскиданы въ разныхъ старинныхъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ. Не щадя никакихъ жертвъ, Авторъ, проживая въ небольшомъ, лишенномъ литературныхъ средствъ городкѣ старался доставить себѣ необ-

ходимыя печатныя пособія или выписки изъ нихъ, справлялся съ разными публичными и частными архивами, и даже нарочно предпринималъ, во время досуговъ отъ должности, поѣздки въ разныя стороны, для изслѣдованія на мѣстѣ описываемыхъ странъ и ихъ населенія. Эта-то собственная наглядность и придаетъ именно этнографическимъ его замѣткамъ наиболѣе цѣны. Вообще, этнографическій отдѣлъ, по свидѣтельству Рецензента, есть лучшая часть всего труда, и являетъ намъ столь полную, живую и вѣрную картину быта Шведовъ въ ихъ отличительной національности, что нельзя не желать пріобрѣтенія подобныхъ описаній и для прочихъ народныхъ племенъ въ Россіи, еще сохранившихъ національный свой отпечатокъ.

Принявъ въ соображеніе, что подобный монографическій трудъ объ одной изъ занимательнѣйшихъ, по своему положенію, исторіи и степени образованности областей Имперіи, кромѣ ожидаемой отъ него прямой пользы, принесетъ таковую несомнѣнно и въ качествѣ образца для будущихъ составителей подобныхъ монографій, и желая хотя отчасти вознаградить Автора за тѣ жертвы, которыя онъ, несмотря на свой малый достатокъ, принесъ отечественной словесности временемъ, трудами и издержками, Академія назначила ему второстепенную премію, и изъ суммы на печатаніе увѣнчанныхъ рукописей, тысячу рублей серебромъ, съ обязательствомъ издать, по возможности, и приложенные къ сочиненію его рисунки.

IV.

При неимовѣрно быстромъ развитіи, въ новѣйшее время, промышленности на Западѣ, и при томъ дѣятельномъ участіи, какое принимаетъ въ немъ наше Отечество, можно было ожидать, что и у насъ явятся писатели, которые ознакомятъ читающую публику съ современнымъ состояніемъ этой части, и это была конечно весьма счастливая мысль Автора

Курса Химической Технологии (III тома съ Атласомъ и политипажами въ текстѣ Спб. 1851. 8°)

удовлетворить столь живо ощущаемой потребности нашего времени.

Сочиненіе это можно собственно почесть плодомъ водворенія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ реальныхъ наукъ. Авторъ его, Г. Ильенковъ, самъ одинъ изъ первыхъ питомцевъ здѣшняго Университета по этой части, имѣлъ случай, во время своего путешествія въ чужихъ краяхъ, видѣть и наблюдать новѣйшіе успѣхи Химіи и Фабричной промышленности, и занявъ, по возвращеніи въ отечество, Каѳедру Технологіи въ томъ же самомъ Университетѣ, составилъ для своихъ слушателей сказанный курсъ.

«Естественно, говоритъ рецензентъ этого труда, Академикъ Фрицше, здѣсь нельзя было ожидать новыхъ, собственныхъ опытовъ и наблюденій самаго Автора. Книга его представляетъ только собранные во едино результаты многолѣтнихъ опытовъ при производствѣ разныхъ отраслей фабричной промышленности. Но способъ, какимъ онъ исполнилъ это, заслуживаетъ полное наше признаніе: мы находимъ въ его книгѣ не только отчетливое описаніе механическаго производства по разнымъ частямъ Технологіи, поясненное многочисленными чертежами, такъ что и не свѣдущій въ этомъ дѣлѣ получаетъ ясное объ немъ понятіе, но и, — что всего важнѣе, — самые химическіе процессы изложены яснымъ и соотвѣтственнымъ состоянію науки образомъ. Хотя описательная часть книги, какъ въ томъ сознается самъ Авторъ, и заимствована, по большей части, изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій по сему предмету, однакоже объяснительная и критическая части ея обработаны имъ самостоятельно, при чемъ онъ особенно поставилъ себѣ задачею, во всѣхъ операціяхъ указывать на раціональную причину и цѣль ихъ и на то, въ какой мѣрѣ предполагаемая цѣль достигается обычнымъ способомъ производства. И именно въ этомъ отно-

шеніи книга Г-на Ильенкова принесетъ большую пользу, доставляя фабриканту возможно полное поясненіе на счетъ умозрительныхъ основаній его ремесла, и дѣлая его тѣмъ самымъ способнымъ къ дальнѣйшему преуспѣянію на этомъ пути.

На основаніи сего отзыва, подкрѣпленнаго Академиками Ленцомъ и Якоби, Академія признала трудъ Г-на Ильенкова достойнымъ увѣнчанія второстепенною преміею.

V.

За два года предъ симъ, одинъ изъ сочленовъ нашихъ, по поводу разбора одного конкурснаго сочиненія, изъявлялъ сожалѣніе, что до сихъ поръ Русскіе Ученые мало оказывали участія къ исторіи другихъ народовъ, и особенно тѣхъ, которымъ принадлежитъ всемірно-историческое значеніе, и что число такихъ сочиненій на русскомъ языкѣ весьма не значительно, въ сравненіи съ довольно многочисленными и достойными трудами, какими обогатилась, въ послѣднее десятилѣтіе отечественная Исторія.

Отрадно видѣть, что нынѣ и эта сторона исторической Литературы начинаетъ находить у насъ ученыхъ обработывателей, и что къ именамъ Шульгина, Куторги, Грановскаго присоединяется имя новаго туземнаго Историка, Г-на Кудрявцева.

Профессоръ Лоренцъ, самъ одинъ изъ даровитѣйшихъ у насъ писателей на этомъ полѣ, разбирая, по порученію Академіи книгу Г-на Кудрявцева

Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи, до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Москва. 1851. 8°

во вступленіи къ своей рецензіи говоритъ: «Если не подлежитъ сомнѣнію, что каждый народъ иначе смотритъ на исторію другихъ націй, судя по той точкѣ, на которую поставилъ его ходъ собственной его образованности, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ

имѣетъ также неотъемлемую потребность и право руководствоваться, при обработкѣ ея, свойственными ему религіозными и политическими началами. Сколь неполно историческое его образованіе, пока онъ смотритъ на развитіе чужихъ народовъ только въ томъ свѣтѣ, какимъ они облеклисъ сами! И такъ, въ усиліяхъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ предлежащій трудъ, заключается, во первыхъ, та выгода, что онѣ выводятъ народъ изъ зависимости отъ чужаго взгляда и образа сужденія. Но это есть одна только выгода: нельзя заниматься исторіею другихъ націй, не вникая въ тоже время и во весь тотъ міръ идей, въ которомъ онѣ жили и дѣйствовали. Кто въ бытописаніи чужаго народа ищетъ чего нибудь большаго, нежели однихъ именъ и годовъ, тотъ долженъ принять на себя трудъ, ознакомиться и съ тѣмъ, что именно придало народу историческое его значеніе: онъ долженъ послѣдовать за нимъ въ тѣ самыя области, которыя были поприщемъ его дѣятельности и славы. У одного народа онъ долженъ принесть съ собою воспріимчивость къ искуству и наукѣ, если хочетъ уразумѣть его сущность, — у другаго народа, воспріимчивость къ праву и законности, у третьяго, къ торговлѣ и промышленности и т. д. А посему распространеніе самостоятельнаго историческаго ученія на другія націи приноситъ еще ту вторую выгоду, что оно, служа къ расширенію круга зрѣнія самаго народа, доставляетъ ему множество новыхъ стихій образованности. Изученіе, сопровождаемое такими выгодами, или по крайней мѣрѣ, обѣщающее ихъ впередъ, заслуживаетъ конечно признаніе и поощреніе, особенно если оно было предпринято съ такимъ рѣшительнымъ дарованіемъ, какъ мы это видимъ у автора сказанной книги».

Не вдаваясь въ дальнѣйшія частности столь лестнаго для юнаго Автора разбора Г-на Лоренца, мы приведемъ здѣсь только заключеніе его, которое побудило судей къ увѣнчанію состязателя, въ поощреніе его къ дальнѣйшимъ усиліямъ, третьею второстепенною преміею.

«Во всякомъ случаѣ, заключаетъ Г. Лоренцъ, книга Г-на

Кудрявцева должна быть причислена къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя, возникши изъ любви и призванія къ наукѣ приносятъ ей несомнѣнно честь и пользу.»

VI.

Инспекторъ Государственныхъ Архивовъ, состоящихъ при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената, Петръ Ивановичь Ивановъ, въ продолженіе 15-ти лѣтъ постоянно обогащаетъ отечественную Исторію неутомимыми изысканіями, имѣющими главною цѣлію раскрыть для ученыхъ изслѣдователей историческія сокровища въ подвѣдомственныхъ ему Архивахъ. Послѣднее изданіе сего рода, которымъ мы обязаны Г-ну Иванову, есть представленное къ нынѣшнему Демидовскому Конкурсу

Описаніе Государстеннаго Архива старыхъ дѣлъ; Москва. 1850 года. 8°.

Оно, по отзыву Академика Устрялова, состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой Авторъ объясняетъ, изъ какихъ Приказовъ, Коллегій, Конторъ, Комитетовъ, Экспедицій и разныхъ временныхъ Коммиссій, числомъ вообще до 50-ти, поступили дѣла въ разсматриваемый имъ Архивъ, подробно излагаетъ, на основаніи документовъ, исторію каждаго вѣдомства, время и причины учрежденія, составъ, кругъ дѣйствія, порядокъ дѣлопроизводства, наконецъ время упраздненія и количество переданныхъ дѣлъ: причемъ сообщаетъ, изъ самыхъ дѣлъ, много подробностей, въ высшей степени любопытныхъ, о Патріаршихъ Приказахъ, о Коллегіи Экономіи и проч. Такъ, онъ впервые объяснилъ, съ удовлетворительною полнотою, обширное вѣдомство по управленію дѣлами Церкви, извѣстное подъ общимъ, неопредѣлительнымъ названіемъ Патріаршаго Приказа. Изъ свѣдѣній, собранныхъ о Коллегіи Экономіи оказывается, между прочимъ, что при дѣлахъ ея хранится, кромѣ другихъ документовъ, болѣе 15,000 подлинныхъ грамотъ и выписей, отобранныхъ отъ ду-

ховнаго вѣдомства, при поступленіи монастырскихъ имуществъ въ управленіе Коллѐгіи Экономіи. Въ числѣ ихъ находится дарственная Грамота Рязанскаго Князя Олега на пергаментѣ 1380 года, нѣсколько другихъ грамотъ конца XIV столѣтія, много жалованныхъ грамотъ первой половины XV вѣка, и еще болѣе времени Іоанна III и Іоанна IV. — Во второй части, въ Приложеніяхъ, помѣщено много любопытныхъ Актовъ юридическихъ и историческихъ; въ числѣ послѣднихъ особенно замѣчательна «Вѣдомость, сколько по переписнымъ книгамъ 1700 года состояло за монастырями и вообще духовнымъ вѣдомствомъ крестьянскихъ дворовъ. Въ заключеніе, къ описанію приложены очень исправные снимки съ 25-ю старшиныхъ Грамотъ и юридическихъ Актовъ съ конца XV до начала XVII вѣка.

Сего краткаго обозрѣнія содержанія книги Г-на Иванова достаточно, чтобы убѣдиться, какъ важны труды его для отечественной исторіи. Присужденіе ему Демидовской преміи, продолжаетъ Г. Устряловъ, конечно будетъ тѣмъ болѣе справедливымъ признаніемъ его заслугъ, что почтенный Авторъ, въ продолженіе 15-ти лѣтъ, трудился съ безкорыстною любовію къ своему дѣлу, безъ всякихъ видовъ на прибыльный сбытъ своихъ изданій, при ограниченномъ кругѣ читателей, единственно изъ усердія къ успѣху основательныхъ историческихъ изслѣдованій». Академія послѣ такого отзыва ученаго своего сочлена, сочла пріятнымъ долгомъ наградить скромнаго Автора второстепенною Демидовскою преміею.

Изъ прочихъ соискательныхъ сочиненій, удостоилось весьма одобрительнаго отзыва, со стороны Рецензента, изданіе

Дербендъ-Намэ или Исторіи Дербенда

Профессора здѣшняго Университета Статскаго Совѣтника Казембека. Предъ симъ уже, Академія отдала публичное свидѣтельство уваженія своего къ сему замѣчательному труду ученаго нашего Оріенталиста, помѣщеніемъ его въ Запискахъ Посто-

роннихъ Ученыхъ (Mémoires des savants étrangers). Естественно, что трудъ сей, будучи написанъ и изданъ на Англинскомъ языкѣ, долженъ былъ, въ Демидовскомъ Конкурсѣ, уступить первенство другимъ сочиненіямъ, болѣе непосредственно обогащающимъ отечественную Словестность. Подходя впрочемъ, по предмету своему, подъ 10-й пунктъ X-й Статьи Положенія, онъ могъ быть допущенъ къ соисканію преміи, и Академія конечно присудила бы ему таковую, еслибъ имѣла на сей разъ, въ своемъ распоряженіи седьмую премію.

Сверхъ того, Академія признала справедливымъ упомянуть съ похвалою о двухъ сочиненіяхъ, которыя хотя по значенію и объему своему и не могли притязать на полученіе преміи, однакоже неменѣе того заслуживають вниманіе отечественной Публики, какъ труды добросовѣстные, и отчетливые, приносящіе честь своимъ Авторамъ, и пользу Русской ученой Литературѣ; именно

Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисѳена, въ отношеніи къ древнимъ его колоніямъ, сочиненіе Директора 2-й Одесской Гимназіи, Профессора *Беккера*

и

О судебныхъ доказательствахъ по древнему Русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи; сочиненіе *Семена Пахмана*. Москва. 1851. 8°.

Разборы сихъ трехъ сочиненій, составленные Академиками Дорномъ, Стефани и Профессоромъ Баршевымъ будутъ напечатаны вмѣстѣ съ прочими.

Изъ постороннихъ Рецензентовъ, съ обычною готовностію содѣйствовавшихъ Академіи въ оцѣнкѣ книгъ нынѣшнаго Конкурса, Генералъ-Лейтенанту Барону Медему присуждена *золотая Демидовская медаль* перваго достоинства, за составленный имъ превосходный разборъ Военно-Энциклопедическаго Лексикона.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. Проф. Д-ра Правъ НЕВОЛИНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ИСТОРІЯ РОССІЙСКИХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ.

Санктпетербургъ. 1851. 8°.

Составленный

Профессеромъ Московскаго Университета

Г. МОРОШКИНЫМЪ.

Появленіе книги Г. Неволина соотвѣтствуетъ настоящей эпохѣ юридическаго образованія въ Россіи. Господство исторической методы изученія законодательствъ въ земляхъ Римскаго Права отозвалось и въ нашемъ Отечествѣ, съ тою разницею, что тамъ историческое направленіе есть слѣдствіе высшихъ началъ вѣдѣнія, и служитъ повѣркою оныхъ; тогда какъ въ Россіи оно есть первоначальное, непосредственно данное наукою. По сему сочиненіе Г. Неволина есть самое естественное явленіе въ области Русской Юридической Литературы.

Исторія русскаго законодательства представляетъ разрозненное обширное цѣлое законовъ прошедшаго времени; почему обязанность ученаго юриста состоитъ въ томъ, чтобъ сію нестройную массу привести въ стройный порядокъ и сдѣлать ее доступною для нашего разумѣнія. Въ какой степени сочиненіе Г. Неволина удовлетворяетъ этому требованію науки?

Г. Неволинъ предувѣдомляетъ, что предметъ его сочиненія такъ обширенъ и такъ мало до сихъ поръ былъ разработываемъ во всей обширности его частей, что еще долго любители историческаго законовѣденія будутъ испытывать надъ нимъ свои силы, тѣмъ болѣе, что онъ и не можетъ быть совершенно изслѣдованъ отдѣльно отъ другихъ частей исторіи законодательства, къ которымъ онъ прикасается и въ которыя переходитъ. Изъ столь вѣрно изображеннаго авторомъ состоянія науки явствуетъ, что сочиненіе его есть опытъ предлагаемый на судъ

публики, съ скромностію ученаго не поверхностно и не самонадѣянно смотрящаго на свой предметъ; — тѣмъ не менѣе Г. Неволинъ приступаетъ къ рѣшенію сей задачи со всѣми пріемами ученаго, прослѣдившаго идею права во всемірномъ ея развитіи, и изучившаго классическія законодательства Греціи, Рима и новѣйшихъ Европейскихъ Государствъ.

Авторъ прежде всего опредѣляетъ значеніе гражданскихъ законовъ, потомъ понятіе Исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ. Онъ говоритъ: исторія русскихъ гражданскихъ законовъ должна изобразить послѣдовательность развитія закона частныхъ между лицами отношеній на почвѣ русской народности, при существующихъ временныхъ и мѣстныхъ условіяхъ; она должна, означивши ту мысль идеи закона, которую предоставлено раскрыть русскому гражданскому закону, показать намъ, чѣмъ началось раскрытіе его и въ немъ этой мысли, и какъ потомъ онъ подъ господствомъ своей движущей мысли, въ связи съ цѣлою народною жизнію, въ связи съ современнымъ состояніемъ законодательства и законовѣденія у другихъ народовъ, въ связи со всѣми обстоятельствами постепенно раскрывался во всѣхъ подробностяхъ своего содержанія. Понимая столь глубоко и обширно значеніе исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, Г. Неволинъ не считаетъ себя въ правѣ выполнить эту задачу. Онъ говоритъ, что исторія русскихъ гражданскихъ законовъ въ такомъ смыслѣ въ настоящее время не возможна, и объясняетъ эту невозможность тѣмъ, что для выполненія сей задачи въ историкѣ требуется ясное сознаніе той идеи, которую предоставлено русскому народу раскрыть въ своихъ законахъ; а это возможно только тогда, когда русскій народъ произведетъ все, что ему суждено произвесть, когда онъ по всѣмъ путямъ жизни своей вполнѣ выразитъ свой духъ и обнаружитъ все могущество своей природы, достигши въ наукѣ, искуствѣ, законодательствѣ, во всемъ, крайняго предѣла совершенства, какое для него достижимо. Но это время для русскаго народа еще не наступило. И такъ, предоставляя будущему времени раскрытіе гражданскихъ

законовъ со всемірно-исторической точки зрѣнія, сочинитель намѣренъ обращать вниманіе на самый фактъ ихъ развитія. Это изслѣдованіе, по мнѣнію его, если оно будетъ ведено какъ должно, послужитъ твердымъ основаніемъ и для той исторіи, которая будетъ разсматривать предметъ его со всемірно-исторической точки зрѣнія.

По правилу, принятому западными юриспрудентами, Г. Неволинъ раздѣляетъ исторію гражданскихъ законовъ на внутреннюю и внѣшнюю. Первая разсматриваетъ формы, въ какихъ установились законныя правила; вторая разсматриваетъ самое существо законныхъ правилъ; но, по причинѣ частнаго соприкосновенія внѣшней исторіи къ внутренней, въ изложеніи предмета авторъ соединяетъ ихъ вмѣстѣ. За симъ слѣдуетъ раздѣленіе исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ по времени. Съ Петромъ Великимъ началась для русскаго народа жизнь разсудка, размышленія; источникомъ проевѣщенія для него сдѣлалась во многихъ отношеніяхъ образованность западныхъ народовъ. По сему Царствованіе Петра Великаго для исторіи русскаго законодательства составило эпоху, и раздѣлило эту исторію на двѣ части: исторію древнюю и исторію новую. Въ той и другой части исторіи русскаго законодательства должно различать нѣсколько періодовъ. Они опредѣляются самымъ свойствомъ вещей, особеннымъ духомъ, который господствовалъ въ законодательствѣ каждаго періода или подъ вліяніемъ котораго находилось и раскрывалось законодательство въ каждомъ періодѣ. По сему Г. Неволинъ въ древней части исторіи принимаетъ слѣдующіе періоды: Періодъ I-й до принятія русскими Христіанства отъ Грековъ въ 988 году, Періодъ II-й до раздробленія Россіи на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній и порабощенія ея Монголами въ 1238 году; Періодъ III-й до восшествія на престолъ Московскій въ 1462-омъ году Іоанна III, основавшаго единодержавіе въ Россіи и освободившаго ее изъ подъ владычества Монгольскаго; Періодъ IV-й до Уложенія 1649 года Царя Алексѣя Михайловича; Періодъ V-й до начала самостоятельнаго

Царствованія въ 1689 году Петра Великаго. Въ новой исторіи отдѣляются періоды: Періодъ I-й до восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II-й въ 1762 году; Періодъ II-й до изданія Свода Законовъ Россійской Имперіи въ 1833 году; Періодъ III-й долженъ начаться этимъ важнѣйшимъ происшествіемъ въ исторіи русскаго законодательства вообще; такъ раздѣляется исторія русскихъ гражданскихъ законовъ въ особенности.

Порядокъ изложенія исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ можетъ быть двоякій: систематическій и хронологическій. Г. Неволинъ въ изложеніи своей исторіи слѣдуетъ порядку систематическому, подчиняя оному порядокъ хронологическій, и признаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ наблюдать при изложеніи слѣдующія правила: 1) Ничего не предполагая начинать каждое установленіе слѣдить съ того времени, когда оно дѣйствительно въ первый разъ является въ исторіи. 2) Строго различать всѣ перемѣны, происходившія съ нимъ въ теченіи времени, объясняя когда оно было въ чемъ либо дополняемо, измѣняемо, совершенно отмѣняемо, и можетъ быть, снова возстановляемо. 3) Тщательно отдѣлять другъ отъ друга различные способы выраженія законныхъ правилъ, показывая, когда извѣстное правило прямо было установлено, или по крайнѣй мѣрѣ высказано; 4) различать то, что существовало только посредствомъ обычая не бывъ утверждено никакимъ извѣстнымъ положительнымъ закономъ, отъ того, что основывалось на положительномъ законѣ.

Далѣе Г. Неволинъ излагаетъ въ своемъ сочиненія: 1) Источники для составленія исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, 2) Пособія къ изученію исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, 3) Обзоръ трудовъ, совершенныхъ для разработки исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ, подраздѣляя сію разработку на труды составителей дѣловыхъ бумагъ, сочиненія, имѣвшія предметомъ изданіе памятниковъ законодательства, изслѣдованія объ отдѣльныхъ предметахъ законодательства, сочиненія объ исторіи цѣлыхъ частей и періодовъ русскаго зако-

нодательства, и наконецъ на разработку исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ преподователями посредствомъ уроковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи.

Излагая литературу исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, Г. Неволинъ изчисляетъ: 1) Собранія законовъ и актовъ юридическихъ, относящіяся ко всему законодательству, 2) Историческія и догматическія изложенія всего законодательства или обширныхъ частей его, и особенно законовъ гражданскихъ, и 3) Историческія и догматическія сочиненія объ отдѣльныхъ предметахъ гражданскаго законодательства.

Изъ сего краткаго обозрѣнія вполнѣ видна мысль и содержаніе исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, планъ ея изложенія, источники для составленія исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, пособія и наконецъ литература исторіи гражданскихъ законовъ. Разсматривая образъ воззрѣнія Г. Неволина на составленіе исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, мы должны признать, что онъ совершенно удовлетворяетъ требованіямъ науки въ современномъ ея состояніи. Всѣ стороны предмета, подлежащія ученому разсмотрѣнію, открыты и сознаны, способъ самаго разсматриванія правиленъ и обширенъ, задача превосходно опредѣлена, способы ея рѣшенія благонадежны и вѣрны, трудности въ исполненіи предусмотрѣны и объяснены современнымъ состояніемъ россійскаго законодательства и науки. — Все прекрасно, удовлетворительно; — можетъ быть, ученымъ остается пожалѣть только о томъ, что Г. Неволинъ не заблагоразсудилъ употребить своихъ превосходныхъ, испытанныхъ дарованій и отличной учености на раскрытіе и изложеніе той стороны исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ, которая и сама по себѣ въ высокой степени интересна, и въ особенности важна для современной разработки памятниковъ законодательства. Онъ отказался отъ изложенія исторіи гражданскихъ законовъ въ формѣ движенія идеи закона, которую предназначено русскому народу раскрыть въ своихъ законахъ, въ связи съ цѣлою народною жизнію, въ связи со всѣми обстоя-

тельствами, имѣвшими вліяніе на сію жизнь. Г. Неволинъ извиняетъ себя тѣмъ, что русскій народъ неизгладимыми чертами записавши свое имя въ лѣтописяхъ всемірной исторіи, еще не вполнѣ выразилъ свой духъ, не вполнѣ обнаружилъ все могущество своей природы въ наукѣ, искуствѣ, въ законодательствѣ. Однимъ словомъ, по его мнѣнію, опредѣлять всемірно-историческое значеніе дѣятельности русскаго народа было бы въ настоящее время слишкомъ рано. Нельзя не признать справедливости сего мнѣнія въ томъ отношеніи, что, сообщая народу, еще живущему во времени, еще развивающемуся, всемірно-историческое значеніе, историкъ можетъ впасть въ ошибки, и, вмѣсто яснаго созерцанія предмета представить одни гаданія о семъ предметѣ; но нельзя не признать справедливымъ и того, что сіи ошибки могутъ быть искуплены свѣтлыми теоретическими взглядами на темныя, фактическія стороны народной дѣятельности. Конечно, теоретическіе взгляды въ исторіи не всякому позволительны: поверхностная ученость, юное воображеніе, лѣнивый умъ не даютъ на это права; но ученый юристъ, начертавшій превосходную теорію постепеннаго развитія и образованія законодательствъ, и проведшій ее послѣдовательно чрезъ весь рядъ всемірной исторіи законодательствъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ бы право сообщить намъ идею, духъ Отечественнаго законодательства. Жаль, если народамъ суждено изучать себя только по смерти. Притомъ русское законодательство не есть единственное во всемірной исторіи. Ему предшествовали древнія законодательства Востока, Греціи и Рима, и мы недаромъ изучаемъ ихъ. Въ постепенномъ развитіи сихъ законодательствъ мы усматриваемъ одинъ и тотъ же человѣческій духъ, одни и тѣ же явленія, сопровождаемыя одними и тѣми же послѣдствіями. По исторіи Греціи, и въ особенности по исторіи Рима можно предначертывать судьбу всѣхъ законодательствъ, и это не есть требованіе празднаго ума, а есть благороднѣйшій порывъ нашего духа. Безъ сего теоретическаго взгляда на законодательство фактическая сторона его представляется темною, необъятною,

ибо она не есть собственность нашего духа, ищущаго во всемъ и вездѣ только самаго себя, и удовлетворяемаго только самимъ собою. Это врожденное требованіе человѣческаго духа обнаружилось и въ самомъ авторѣ настоящаго сочиненія. Раздѣленіе исторіи на эпохи и періоды безъ сего теоретическаго зрѣнія на исторію не возможно: а потому и онъ опредѣляетъ періоды исторіи русскаго законодательства самымъ свойствомъ вещей, особеннымъ *духомъ*, который господствовалъ въ законодательствѣ каждаго періода, или подъ вліяніемъ котораго находилось и раскрывалось законодательство въ каждомъ періодѣ. А этотъ духъ періода не есть ли всемірно-историческое явленіе въ исторіи русскаго народа? — Невозможно предвидѣть частныхъ фактовъ въ будущемъ; но при данныхъ началахъ, можно предчувствовать будущіе періоды въ народной жизни, духъ, имѣющій господствовать въ грядущія времена. При повсемѣстномъ, неудержимомъ стремленіи непризванныхъ умовъ къ будущему, не безполезно было бы слышать голосъ человѣка глубокомысленнаго, спокойнаго духомъ, философски умѣреннаго въ жизни, слышать голосъ о всемірно-историческомъ значеніи и призваніи русскаго законодательства. Въ учебномъ отношеніи теоретическій взглядъ человѣка мыслящаго былъ бы въ высокой степени полезенъ тѣмъ, что онъ возбудилъ бы живую полемическую дѣятельность въ молодыхъ умахъ, заставилъ бы ихъ отыскивать факты къ подтвержденію новыхъ положеній или къ опроверженію новыхъ погрѣшностей и ошибокъ. Жизненность науки условливается не одними фактами, данными природою, а теоретическимъ взглядомъ ученыхъ, дающимъ значеніе, мысль этимъ фактамъ.

Изложивъ взглядъ Г. Неволина на составленіе исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ, по собственному его введенію въ исторію, обратимся къ самому сочиненію. Исторію гражданскихъ законовъ Г. Неволинъ раздѣляетъ на двѣ части. Въ пер-

вой части излагается исторія законовъ о союзахъ семейственныхъ, во второй части исторія законовъ о союзахъ по имуществамъ или о правахъ на имущества. Въ первой части принимаетъ онъ слѣдующіе раздѣлы: раздѣлъ I-й о правахъ въ союзѣ супружескомъ, или о бракѣ; раздѣлъ II-й о правахъ въ союзѣ родителей и дѣтей, или о власти родительской; раздѣлъ III-й о правахъ въ союзѣ родственномъ; раздѣлъ IV-й объ опекѣ и попечительствѣ въ порядкѣ семейственномъ. Во второй части: раздѣлъ I-й объ имуществахъ вообще, раздѣлъ II-й о правахъ на вещи; раздѣлъ III-й о правахъ по обязательствамъ, раздѣлъ IV-й о наслѣдствѣ. Излагая узаконенія по каждому предмету въ порядкѣ времени, авторъ, не почитаетъ нужнымъ распредѣлять изложеніе по указаннымъ періодамъ, такъ какъ не всѣ они имѣютъ одинаковую важность для исторіи всѣхъ предметовъ; напротивъ законодательство о каждомъ предметѣ имѣетъ особенныя замѣчательныя по отношенію къ развитію его эпохи, которыя слѣдовательно и должно взять во вниманіе при историческомъ изложеніи его развитія.

Входить въ разборъ каждаго положенія автора нѣтъ никакой надобности. Должно принять за истину, что всѣ его положенія почерпнуты изъ источниковъ, скрѣплены цитатами и повѣрены здравою критикою. Вѣрность и точность сужденій у Г. Неволина достигаютъ образцоваго достоинства, равно какъ и историческій его даръ. Намъ остается подвергнуть особенному разсмотрѣнію общія положенія автора, и, если представится случай, показать, что мы не согласны съ сими положеніями.

Книга первая о союзахъ семейственныхъ. Порядокъ изложенія заимствованъ изъ Свода Законовъ Россійской Имперіи. Главные виды семейственнаго союза: союзъ брачный, союзъ родителей и дѣтей, союзъ родственный, доселѣ составляли трудный предметъ для юристовъ. Трудность заключалась въ томъ, что опредѣленія правъ и обязанностей союза семейственнаго почти во всѣ періоды нашего законодательства заимствованы были изъ трехъ различныхъ источниковъ: 1) Изъ законовъ гре-

коримскихъ, 2) изъ постановленій русской верховной власти, 3) изъ народныхъ обычаевъ. Трудность предстояла въ опредѣленіи обязательной силы и дѣйствія грекоримскихъ положеній, въ показаніи того, въ какой степени они были прилагаемы къ русскому браку и къ отношеніямъ родителей и дѣтей при вліяніи своеземныхъ русскихъ постановленій и обычаевъ, когда они получили эту обязательную силу и дѣйствіе, и какія въ теченіи времени потерпѣли измѣненія отъ законодателей и отъ Церковной власти. Г. Неволинъ, съ отличною отчетливостію обозрѣвъ грекоримскіе источники, показалъ начало и продолженіе ихъ дѣйствія въ семейственномъ союзѣ, равно опредѣлилъ степень ихъ обязательной силы и дѣйствія примѣнительно ко всѣмъ родамъ семейственнаго союза и вывелъ заключеніе, что вообще по дѣламъ, касающимся семейственныхъ отношеній, у насъ дѣйствовали грекоримскіе Церковные и гражданскіе законы. До сего времени ничего подобнаго въ русской юридической литтературѣ не встрѣчалось. Книга Г. Неволина о союзахъ семейственныхъ составляетъ знатное пріобрѣтеніе науки.

Интересъ исторіи законовъ, опредѣляющихъ отношенія союзовъ семейственныхъ, заключается въ постепенномъ расширеніи Духовной власти на юридическій русскій бытъ и въ постепенномъ подведеніи онаго подъ правила Христіанской Церкви и высокой грекоримской гражданственности. Г. Неволинъ раскрылъ это съ возможною ясностію и полнотою. Между тѣмъ интересъ сочиненія увеличился бы еще болѣе, еслибъ Г, Неволинъ указалъ на самую высшую точку стоянія Духовной власти, объяснилъ господствующій духъ Церкви, выражавшійся съ Іоанна III-го до Петра Великаго стремленіемъ ея подчинить себѣ Государственный бытъ Россіи, объять и проникнуть его нравственными идеями и опредѣлить его грекоримскими формами и учрежденіями. Къ этому періоду собственно относится окончательное образованіе русскаго семейственнаго союза по началамъ грекоримскимъ. Весь періодъ времени отъ Іоанна III-го до Петра Великаго можно назвать грекоримскимъ. Въ немъ совер-

шается утвержденіе единодержавія, въ немъ происходитъ сліяніе различныхъ элементовъ народной жизни въ одну общую народную жизнь, — приносится великая жертва древнихъ личностей единому великому Государству, единой вседержащей личности.

Книга объ имуществахъ представляетъ нашему взору зрѣлище противоположное. Система правъ имущественныхъ развилась и опредѣлилась по началамъ народнымъ, своеземнымъ, языческимъ. Здѣсь Г. Неволинъ воспользовался всѣми источниками права и существующими пособіями науки и изложилъ ученіе вполнѣ удовлетворительно. Авторъ не виноватъ въ нѣкоторой нестойкости положеній, коими опредѣлились древнія имущественныя отношенія. Эта неопредѣленность есть слѣдствіе безсознательнаго развитія древнихъ началъ вещнаго права и неопредѣленности самыхъ лицъ, субъектовъ права, въ какой находились сіи лица въ отношеніи къ союзу Государственному. Этимъ же недостаткомъ страдали и германскія законодательства до XVI вѣка. Съ сего времени наука рѣзко начала систематизировать неопредѣленную, безсознательную юридическую германскую жизнь; причемъ неотразимая образовательная сила римскаго права не мало исказила еще несозрѣвшія для системы самобытныя германскія установленія. У насъ это совершилось постепенно не замѣтными путями.

Между тѣмъ какъ содержаніе вещнаго права, не отрѣшившееся отъ народныхъ обычаевъ, весьма медленно развивалось, Государственный духъ при Іоаннѣ III-мъ и при Іоаннѣ IV-мъ требовалъ развитія формъ, въ которыхъ право должно было совершать свое движеніе въ гражданской жизни и требовать себѣ судебнаго, публичнаго признанія. Наступила эпоха актовой, нотаріальной-юриспруденціи. Г. Неволинъ слѣдуя системѣ Свода Законовъ, послѣ ученія объ лицахъ, кои могутъ обладать имуществами, о предметахъ правъ на имущества, о разныхъ родахъ правъ на имущества, о пріобрѣтеніи и потерѣ сихъ правъ, излагаетъ исторію актовъ, укрѣпляющихъ права на имущества.

Актовая юриспруденція занимаетъ важное мѣсто въ системѣ гражданскихъ законовъ. Не рѣдко въ современныхъ намъ тяжбахъ права утверждаются или опровергаются старинными актами. Г. Неволинъ съ возможною отчетливостію показалъ начало, развитіе и окончательное усовершенствованіе актовъ, укрѣпляющихъ права на имущество.

Потомъ Г. Неволинъ приступаетъ къ изложенію правъ на вещи. Въ этомъ раздѣлѣ весь интересъ науки сосредоточивается на вотчинахъ и помѣстьяхъ. Вопросъ о вотчинахъ принадлежитъ къ важнымъ и труднымъ вопросамъ науки. Доселѣ историки юристы начинали свое ученіе о вотчинахъ тѣмъ, что въ началѣ Государства не признавали отдѣльной, частной собственности, а только собственность общую, родовую. Отсюда произошла трудность въ объясненіи начала и развитія частной земельной собственности и вмѣстѣ признанная нѣкоторыми необходимость произвести бытіе ея изъ земельной собственности Князей посредствомъ пожалованія. — Столь неудовлетворительное мнѣніе есть слѣдствіе той гипотезы, что до пришествія Варяговъ-руси русская земля была въ первобытномъ, патріархальномъ состояніи, безъ общественнаго союза, безъ промышленности, безъ военнаго устройства. Эта гипотеза, разсѣкшая органическую связь настоящаго съ прошедшимъ, историческихъ временъ съ до-историческими, принадлежитъ историко-критической школѣ XVIII вѣка. Ученые, въ слѣдствіе этой системы, отсѣкая варяжскій періодъ отъ скиѳскаго, принуждены были наполнять эту разсѣлину мнимыми начатками гражданскаго быта, историческими гипотезами. Этѣ гипотезы опровергаются повѣствованіемъ о Скиѳіи Геродота, свидѣтельствомъ Страбона, Птоломея, Аммiана Марцеллина и многихъ другихъ древняго и средняго міра иноземныхъ писателей. Сіи писатели удостовѣряютъ, что Скиѳія, т. е. Русская земля, за долго до Рюрика имѣла Государей, распоряжавшихъ большими арміями, значительную внѣшнюю торговлю, военныя общины, купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. — Осѣдлый бытъ воиновъ, отвлеченіе капиталовъ

въ города свидѣтельствуютъ о разрозненіи родовъ, о разложеніи ихъ на отдѣльныя самостоятельныя личности. При такомъ порядкѣ вещей въ Русской землѣ до Рюрика, нельзя полагать, чтобы въ тѣ времена не было отдѣльной земельной собственности, при несомнѣнномъ существованіи и собственности родовой, или лучше, общинной между городскими и сельскими обывателями. Посему вопросъ о первоначальномъ происхожденіи поземельной собственности рѣшенъ Г. Неволинымъ совершенно удовлетворительно: «Первоначальное происхожденіе поземельной собственности въ Россіи, говоритъ онъ, принадлежитъ временамъ той отдаленной древности, въ которую не проникаетъ свѣтъ исторій». Посему такъ же нѣтъ надобности производить начало частной земельной собственности изъ собственности Княжеской.

Вотчинное владѣніе несоздано у насъ Князьями, а найдено ими на пространствѣ Русской земли. Вотъ почему оно у насъ столь сильно, что претворяетъ въ себя всякое несходное съ нимъ отношеніе владѣльца къ землѣ. Оно нережило помѣстную систему, и поглотило ее въ себѣ; оно поглотило въ себѣ родовый полувоенный порядокъ наслѣдованія престоловъ, и нѣтъ въ мірѣ собственности столь не ограниченной, какъ русская поземельная собственность.

Второстепенный вопросъ въ вотчинномъ владѣніи есть слѣдующій: какія лица имѣли право владѣть поземельною собственностію? — И этотъ вопросъ у Г. Неволина рѣшенъ удовлетворительно. Только, казалось бы, нужно было выставить гораздо рельефнѣе, что основаніе, по которому въ Россіи въ теченіи времени образовалось и окончательно опредѣлилось право поземельной собственности, заключалось не столько въ титлахъ первоначальнаго пріобрѣтенія оной владѣльцами, сколько въ политическомъ значеніи сихъ владѣльцевъ. Это явствуетъ и изъ того, что, Н. П. помѣстная земля, будучи въ сущности землею Государевою, въ теченіи времени отвердѣла въ частную дворянскую собственность, тогда какъ земля другихъ военныхъ

чиновъ, будучи того же происхожденія, окончательно опредѣлилась какъ земля общественная, казенная. Сей важный вопросъ, послѣ вѣковой неопредѣленности, ясно опредѣленъ въ межевой Инструкціи Императрицы Екатерины II, и еще яснѣе въ указахъ Императора Александра I и въ Сводѣ Законовъ Императора Николая Павловича. Иностранная юриспруденція много помогла намъ въ установкѣ отношеній владѣльцевъ къ ихъ землямъ.

Вопросъ о помѣстьяхъ гораздо легче для разрѣшенія, чѣмъ вопросъ о вотчинахъ. Существо помѣстнаго права давно уже опредѣлено съ надлежащею точностію. — Предметъ сей разсмотрѣнъ Г. Неволинымъ со всѣхъ сторонъ вѣрно и основательно. Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ ученіе о тяглыхъ имуществахъ, доселѣ ускользавшихъ отъ вниманія ученыхъ, вѣроятно, въ слѣдствіе меньшей занимательности сего предмета сравнительно съ дворянскими имуществами. Ученіе Г. Неволина основательно и вѣрно, за исключеніемъ того, что онъ приписываетъ уничтоженіе различія между тяглыми и бѣлыми дворами между прочимъ новой системѣ налоговъ на податныхъ людяхъ въ царствованіе Петра Великаго. — Это уничтоженіе различія, мнѣ кажется, скорѣе можно приписать смѣшенію понятій, произведенному въ юристахъ реформою Петра Великаго.

Не столь занимателенъ раздѣлъ третій объ имуществахъ, заключающій въ себѣ права на дѣйствія лицъ. Этотъ предметъ не труденъ, но и лишенъ особенной занимательности, въ слѣдствіе того, что исторія мало развила эту сторону права. По закону постепеннаго образованія законодательствъ, право обязательствъ развивается позднѣе другихъ частей гражданскихъ законовъ. Вещное право осязательно по существу своему и по отношеніямъ къ нему лицъ; напротивъ право обязательствъ, представляя опредѣленіе человѣческой воли, имѣетъ предметомъ глубокій психологическій процессъ, не осязаемый чувствами и доступный только одному умственному воззрѣнію. Въ нашемъ законодательствѣ мало опредѣленій касательно существа дого-

воровъ и обязанностей, возникающихъ не изъ договоровъ; но въ замѣнъ этаго русское законодательство обильно формами совершенія договоровъ. Г. Неволинъ изложилъ всю сію часть права полно, сходственно съ источниками и въ особенности тщательно обработалъ исторію купли, продажи и выкупа родовыхъ имуществъ. Авторъ для всѣхсторонняго объясненія предмета сосредоточилъ здѣсь положенія закона, размѣщенныя въ законахъ Гражданскихъ, Уголовныхъ и въ уставѣ Благочинія, и тѣмъ пополнилъ краткость положеній о семъ предметѣ, замѣчаемую въ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ.

Г. Неволинъ заключаетъ свое сочиненіе историческимъ изложеніемъ законовъ о наслѣдованіи. Нельзя требовать отъ систематическаго сочиненія большей полноты, порядка и ясности изложенія. Но, сохраняя полное уваженіе къ строгимъ логическимъ выводамъ автора, я не могу раздѣлять съ нимъ мнѣнія объ основныхъ положеніяхъ относящихся къ наслѣдству. «Дѣйствіе законовъ гражданскихъ по дѣламъ о наслѣдствѣ въ Россіи, говоритъ онъ, основывалось на подсудности сихъ дѣлъ Духовенству. Далѣе, приводя свидѣтельства къ подтвержденію сего положенія, онъ говоритъ: «Большею частію эти свидѣтельства относятся къ наслѣдству по завѣщанію; но не исключительно. Нельзя сомнѣваться, что Духовному суду подлежали какъ дѣла о наслѣдствѣ по закону, такъ и дѣла о наслѣдствѣ по завѣщанію». — Дѣйствительно, дѣла наслѣдованія по завѣщаніямъ подлежали Духовной власти; Патріархъ свидѣтельствовалъ и утверждалъ завѣщанія, хотя и въ этомъ случаѣ споры противъ завѣщаній могли быть предъявляемы и въ Духовномъ судѣ, и въ помѣстномъ приказѣ. Но чтобъ всѣ дѣла наслѣдованія по закону относились къ Духовному суду, этаго допустить не возможно. Г. Неволинъ доказываетъ свое положеніе необходимостію при рѣшеніи вопросовъ о наслѣдствѣ прибѣгать къ источникамъ грекоримскимъ, по причинѣ неразвитости русскихъ началъ; но это не есть еще доказательство подсудности сихъ дѣлъ Духовной власти. Подобный способъ пополненія русскихъ свѣт-

скихъ законовъ о наслѣдствѣ грекоримскими былъ употребляемъ гражданскими судами даже послѣ Петра Великаго, какъ видно изъ множества наслѣдственныхъ рѣшеныхъ дѣлъ. Г. Неволинъ, кромѣ сего косвеннаго доказательства, приводитъ такъ названное имъ прямое доказательство, Грамоту Патріарха Адріана къ Архіепископу Колмогорскому и Вижскому о судѣ 1694 года. Но во первыхъ, эта грамота упоминаетъ только о Духовныхъ завѣщаніяхъ, а если и говоритъ тутъ же объ отысканіи приданаго и о раздѣлѣ наслѣдства: то это относится только къ животамъ, т. е. къ движимымъ имуществамъ. О наслѣдованіи же вотчинъ, какъ существеннѣйшихъ предметахъ сего права, здѣсь неупоминается, и не могло быть упомянуто; ибо наслѣдованіе ихъ, какъ и всякій переходъ вотчинъ, подвѣдомственно помѣстному приказу, что подтверждается всею системою уложенія. Во вторыхъ, не должно забывать, что Духовной власти подсудны были и дѣла частнаго, гражданскаго права, гражданскія дѣла клира, дѣла мірянъ, состоящихъ въ вотчинномъ обладаніи церквей, монастырей, архіерейскихъ домовъ, слѣд. въ гражданской и до нѣкоторой степени уголовной подсудности Духовнымъ властямъ. Здѣсь могли встрѣчаться и дѣла наслѣдованія по закону; но никакъ эта подсудность не могла быть общею для всѣхъ подданныхъ Московскаго Государства. Русскіе законодатели съ Іоанна III-го до Петра Великаго считали своимъ Царственнымъ дѣломъ издать законы о порядкѣ законнаго наслѣдованія, сперва кратко въ судебникахъ, а потомъ пространно въ уложеніи и въ особенности въ новоуказныхъ статьяхъ, тѣмъ болѣе, что основное раздѣленіе имуществъ въ Россіи издревле несходно было съ раздѣленіемъ грекоримскимъ. Существо русскихъ имуществъ произвело четыре существенно различные порядка наслѣдованія: 1) Наслѣдованіе родовыхъ вотчинъ, 2) Наслѣдованіе купленныхъ вотчинъ, 3) Наслѣдованіе помѣстій, 4) Наслѣдованіе животовъ, движимыхъ. Законодатели весьма заботились объ опредѣленіи сихъ правъ: ибо съ симъ тѣсно соединена была система набора войскъ, и система земскихъ повинностей. На-

конецъ, при существованіи общей подсудности дѣлъ о законномъ наслѣдованіи Духовнымъ властямъ, странно было бы видѣть, что Патріархъ указываетъ своему подчиненному руководствоваться кормчею книгою вопреки законовъ Царскихъ, повелительно изложенныхъ въ уложеніи и новоуказныхъ статьяхъ.

Наконецъ мы можемъ сдѣлать общее заключеніе о достоинствѣ сочиненія Г. Неволина.

Сочиненіе показываетъ въ авторѣ обширный систематическій умъ, отличную ученость, классическое искуство въ изложеніи предмета и достойную всякаго уваженія любовь къ отечественному законовѣденію. Это свидѣтельствуется и прежними его сочиненіями, изъ коихъ каждое приноситъ честь русской юридической литтературѣ. Онъ отлично оправдываетъ лестный отзывъ незабвеннаго Графа Сперанскаго, сдѣланный объ немъ одному изъ теоретическихъ юристовъ, и предвидѣніе сего Государственнаго Старца, что Неволинъ принесетъ нѣкогда великую пользу и честь отечественному законовѣденію. Настоящій трудъ Г. Неволина заслуживаетъ полную признательность ученыхъ своимъ отчетливымъ и яснымъ изложеніемъ предмета и приведеніемъ безчисленныхъ фактовъ исторіи въ полное систематическое обозрѣніе гражданскихъ законовъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА Б-НА ЗЕДДЕЛЕРА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

ВОЕННО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1837 — 1851. 8°.

XIV ТОМОВЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

ГЕНЕРАЛЪ - ЛЕЙТЕНАНТОМЪ БАРОНОМЪ

МЕДЕМОМЪ.

Первое, что въ особенности поражаетъ приступающаго къ разсмотрѣнію Военно-Энциклопедическаго Лексикона это огромность труда, составляющаго 14 томовъ или 600 листовъ мѣлкой печати въ два столбца, и слѣдственно достаточнаго, по массѣ своей, для наполненія 40 томовъ обыкновенной печати.

Такая обширность, покажется съ перваго взгляда изумительною въ лексиконѣ, посвященномъ повидимому лишь спеціяльному т. е. военному предмету, но когда читатель ознакомится ближе съ содержаніемъ статей, тогда увидитъ, что лексиконъ, сверхъ довольно обстоятельнаго изложенія того, что касается до всѣхъ многоразличныхъ отраслей собственно-военныхъ наукъ и искуствъ, еще заключаетъ въ себѣ: 1) Свѣдѣнія о цѣли и объемѣ главныхъ вспомогательныхъ наухъ какъ то, о Математикѣ чистой и прикладной, въ особенности же: о Геодозіи, съ присоединеніемъ довольно подробнаго описанія геодезическихъ инструментовъ; 2) Очеркъ политической Исторіи, древней, средней и новой всѣхъ Европейскихъ государствъ и частію государствъ Азіатскихъ и Американскихъ; 3) Подъ названіемъ военной географіи и статистики, довольно подробный очеркъ древней и новой политической географіи Европейскихъ и частію Азіатскихъ государствъ, и 4) Описанія походовъ новѣйшаго времени (начиная съ 1792 года), сдѣланныя въ объемѣ несравненно обширнѣйшемъ нежели то слѣдовало ожидать отъ статей лексикона, и большею частію изложенныя даже съ такою подробно-

стію, какая нужна для того, чтобъ сдѣлать чтеніе не только занимательнымъ, но и сообщить читателю ясное понятіе объ общемъ ходѣ, связи и причинахъ дѣйствій.

Подобное расширеніе предѣловъ Военнаго Лексикона могло бы казаться совершенно несовмѣстнымъ съ цѣлію изданія если бы оно не оправдывалось особыми обстоятельствами. Редакція безъ сомнѣнія имѣла въ виду примѣняться къ настоящимъ потребностямъ большинства Русскихъ офицеровъ, которые по порядку внутренней службы войскъ, переходя въ огромной нашей Россіи изъ мѣста въ мѣсто, рѣдко находятъ библіотеки, а еще менѣе могутъ возить съ собою большое число книгъ. Редакція желала соединить въ своемъ лексиконѣ какъ бы цѣлую библіотеку, въ которой офицеръ могъ найдти свѣдѣнія, не только о предметахъ чисто военныхъ, но и о всѣхъ тѣсно связанныхъ съ военными или вообще необходимыхъ для образованнаго офицера, наконецъ въ которой сверхъ того, нѣкоторыя важнѣйшія знанія, какъ на примѣръ, исторія современныхъ походовъ, изложены были съ достаточною подробностію, дабы сдѣлать ихъ чтеніе истинно поучительнымъ, привлекательнымъ, и отчасти замѣнить этимъ невозможность изученія сихъ походовъ изъ отдѣльныхъ пространныхъ книгъ. Стремясь къ такой цѣли собственно для Русскихъ офицеровъ, Редакція достигала тѣмъ другой еще выгоды: Лексиконъ ея дѣлался отчасти занимательнымъ и полезнымъ даже для людей невоенныхъ, представляя имъ удобное средство для справокъ по многоразличнымъ предметамъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ у насъ составлены подобные лексиконы по другимъ отраслямъ наукъ.

Для основательнаго и безпристрастнаго сужденія объ огромности труда при составленіи разсматриваемаго Лексикона и о достоинствѣ самой работы, необходимо прежде всего изслѣдовать: что именно изъ этой работы было заимствовано изъ иностранныхъ военныхъ словарей посредствомъ перевода или незначительнаго измѣненія, и что, напротивъ того, составлялось собственными, самостоятелными трудами нашей Редакціи.

Всѣ существовавшіе до 1833 года заграничные Военные Лексиконы были по цѣли своей весьма ограниченны. Одни обнимали только специально-артиллерійскіе или инженерные предметы, другіе заключали въ себѣ описанія однѣхъ сраженій или осадъ, а немногіе изъ лексиконовъ, обнимавшихъ большее число предметовъ, ограничивались лишь краткимъ объясненіемъ терминовъ, и общими, весьма сжатыми и къ Русскому міру неприлагаемыми свѣдѣніями объ остальномъ. Первый военный словарь, съ цѣлію отчасти подобною той, которую имѣла редакція нашего лексикона, составлялся въ Лейпцигѣ Саксонскимъ офицеромъ фонъ деръ Люге (von der Lühe) и издаваясь тетрадями съ 1833 года, былъ оконченъ въ то именно время, когда приступили къ составленію нашего Лексикона.

Этотъ полнѣйшій изъ заграничныхъ военныхъ словарей былъ избранъ нашею редакціею для заимствованія статей безъ совершенной ихъ передѣлки, къ чему представлялось удобство, какъ по сходству сего словаря съ нашимъ предпріятіемъ въ цѣли, объемѣ и образѣ изложенія, такъ и по новости самаго изданія. Подобныя заимствованія дѣйствительно были сдѣланы Русскимъ Военно-Энциклопедическимъ Лексиконюмъ въ значительномъ размѣрѣ, но всегда съ похвальною разборчивостію при выборѣ статей. Такъ напримѣръ изъ статей, относящихся къ теоріи военныхъ наукъ заимствованы лишь самыя лучшія, и даже рѣшительно исключены всѣ тѣ, гдѣ Нѣмецкій словарь входилъ въ излишнія подробности касательно вспомогательныхъ наукъ. Здѣсь стоитъ указать на статьи; Decimalbrüche, Decimalrechnung, Differentialgrösse, Funktion, Kreis, и т. под.

Преимущественно же изъ словаря фонъ деръ Люге были заимствованы: Біографіи и описанія сраженій, осадъ и походовъ, но и здѣсь Русская редакція лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивалась простымъ переводомъ; напротивъ, въ большей части подобныхъ статей, растянутый разсказъ нѣмецкихъ авторовъ былъ сжатъ исключеніемъ излишнихъ подробностей, повтореній, и неумѣстныхъ разсужденій; также во многихъ статьяхъ

были исправлены мелкія погрѣшности въ числахъ и названіяхъ; наконецъ въ нѣкоторыхъ сдѣланы необходимыя прибавленія для точности, ясности или полноты статьи.

Кромѣ словаря фонъ деръ Люге, употреблялись еще изъ заграничныхъ словарей: «Kausler's Wörterbuch der Schlachten und Belagerungen» и «Pierer's Universal-Encyklopedie». Изъ перваго были заимствованы не многія лишь описанія сраженій и осадъ, а изъ втораго большая часть статей, относящихся ко всеобщей исторіи и нѣкоторыя статьи по математикѣ и другимъ вспомогательнымъ наукамъ.

Объемъ всего, такимъ образомъ заимствованнаго изъ заграничныхъ словарей, составляетъ, по большей мѣрѣ, лишь третью долю всего русскаго лексикона. Остальныя двѣ трети его состоятъ изъ статей, которымъ всѣмъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, можно, присвоить названіе *самостоятельныхъ* и принадлежащихъ перу редактора и сотрудниковъ.

Къ такимъ работамъ, преимущественнѣе всего должно причислить:

1) *Статьи относящіяся къ Теоріи Военнаго искуства.* Онѣ почти всѣ собственныя сочиненія редактора и сотрудниковъ, и составлены вообще хорошо. Мысли въ нихъ изложенныя обнаруживаютъ въ авторахъ полное знакомство съ новѣйшими успѣхами наукъ, и безпристрастный взглядъ на предметы, не увлеченный односторонними теоріями. Можно смѣло сказать, что статьи этаго разряда не только не уступаютъ въ достоинствѣ подобнымъ же статьямъ въ заграничныхъ словаряхъ, но во многомъ даже стоятъ выше ихъ. Самая большая и весьма важная часть этихъ статей принадлежатъ Барону Зедделеру, каковы: *Стратегія и стратегъ, театръ войны, планъ дѣйствія, тактика, оружіе, пѣхота, кавалерія, драгуны, мѣстность, рекогносцировка, маневръ, моментъ, осторожность, побѣда* и т. под. Между статьями этаго разряда, составленными другими сотрудниками есть также много особо замѣчательныхъ, напримѣръ, *«военныя дѣйствія»* и *«жалонеры»* соч. Ѳ. Н. Горемыкина;

«каре» и *«изложеніе разныхъ системъ стратегіи»*, М. Н. Богдановича; *«война»* и *«военныя силы»* Л. А. Штюрмера, и другія.

2) *Статьи, относящіяся до Артиллеріи и Инженернаго искуства.* Нѣкоторыя изъ нихъ составлены хорошо и вполнѣ соотвѣтственно съ цѣлію лексикона; приводимъ для примѣра статьи Д. А. Милютина *«балистика»*, *«балистическій маятникъ»*, и *«граната»*; статьи К. А. Линдена 1-го: *«конная артиллерія»* и *«ружье»*, какъ равно и нѣкоторыя статьи Гг. Богдановича, Фесселя, Теляковскаго, Загоскина, Андреева.

3) *Статьи по части геодезіи и геодезическихъ инструментовъ;* — составлены А. П. Болотовымъ, дѣльно, ясно и совершенно соотвѣтственно цѣли лексикона.

4) *Статьи, относящіяся къ военному искуству въ древніе и средніе вѣка;* — составлены почти всѣ и весьма удовлетворительно Барономъ Зедделеромъ, на основаніи прежде имъ изданнаго отдѣльнаго сочиненія подъ заглавіемъ «Исторія Военнаго Искуства».

5) *Всѣ походы новѣйшаго времени* (начиная съ французской революціи 1792 года). За исключеніемъ походовъ: *1805 года* составленнаго Ѳ. Н. Горемыкинымъ; *похода Суворова въ Италіи и Вандейской войны* — М. Н. Богдановича; *Адріатической экспедиціи* А. В. Висковатова; *Войнъ Испанскихъ* Н. Ф. Козлянинова; *Эгипетско-Турецкой войны* А. Ф. Минквица и немногихъ другихъ, — все остальное написано Барономъ Зедделеромъ. Значительнѣйшая часть этихъ описаній сдѣлана, какъ уже было сказано выше, несравненно подробнѣе обыкновенныхъ статей словаря, — нѣкоторыя даже столь подробно, что по объему своему могли бы составить отдѣльныя книги, какъ на примѣръ статьи объ *Испанскихъ войнахъ*, объ *Отечественной войнѣ 1812 года*, и о *войнѣ съ Польскими мятежниками.* — Статьи этаго разряда, въ совокупности, занимаютъ весьма значительную часть лексикона; одни труды Барона Зедделера по этому предмету составляютъ болѣе 500 страницъ. Цѣль которую имѣла редакція, при столь-обстоятельномъ изложеніи была объяснена нами выше; что же

касается до самаго исполненія этой работы, то можно сказать, что она соотвѣтствуетъ предполагаемой цѣли въ довольно удовлетворительной степени. Статьи о войнахъ неотечественныхъ составлены на основаніи лучшихъ и новѣйшихъ военно-историческихъ сочиненій, а относящіяся къ войнамъ Россіи преимущественно по сочиненіямъ Ген. Михайловскаго Данилевскаго, — и вообще всѣ описанія составлены съ знаніемъ дѣла, безпристрастіемъ, возможною послѣдовательностію и ясностію, такъ что офицеръ, неимѣющій подъ рукою другихъ, болѣе обширныхъ военно-историческихъ сочиненій, можетъ и по однимъ статьямъ лексикона получить, довольно отчетливое понятіе о главныхъ произшествіяхъ новѣйшихъ войнъ.

6) *Отдѣльныя описанія сраженій, относящихся къ означеннымъ новѣйшимъ походамъ;* — извлечены также изъ лучшихъ новѣйшихъ сочиненій или другихъ достовѣрныхъ источниковъ и изложены вообще удовлетворительно. Весьма значительное число описаній (болѣе 100) и при томъ самыхъ важнѣйшихъ сраженій, составлены Барономъ Зедделеромъ, какъ то: *Требія*, *Маренго*, *Аустерлицъ*, *Ауэрштедтъ*, *Іена*, *Прейсишъ-Эйлау*, *Фридландъ*, *Асперкъ*, *Ваграмъ*, *Смоленскъ*, *Тарутино*, *Полоцкъ*, *Малый-Ярославецъ*, *Люценъ*, *Бауценъ*, *Денневицъ*, *Кацбахъ*, *Дрезденъ*, *Кульмъ*, *Лейпцигъ*, *Ларотьеръ*, *Лаонъ*, *Феръ-Шампенуазъ*, *Парижъ*, *Ватерло*, *Гроховъ*, *Остроленка*, *Торресъ-Ведрасъ* и т. под. Изъ сраженій, описанныхъ другими сотрудниками многіе замѣчательны по ясному и дѣльному изложенію предмета: мы укажемъ для примѣра на сраженіе при *Валутиной горѣ* и при *Бородинѣ* сост. С. А. Маркевичемъ; при *Ваврѣ* (въ Польшѣ) и *Вильнѣ* Ѳ. Н. Смитта; *Прагѣ* Богдановича, *Абукирѣ* П. Н. Рикорда и А. В. Висковатова; *Наваринѣ* С. Н. Зеленаго, и друг.

7) *Статьи заключающія въ себѣ очерки географіи и статистики всѣхъ кромѣ Россіи, Европейскихъ и другихъ государствъ*, съ особенно-подробнымъ изслѣдованіемъ силы и организаціи ихъ войскъ, путей сообщенія, средствъ и системы обороны и т. д., и также *статьи, заключающія описаніе главныхъ системъ Евро-*

пейскихъ горъ. Всѣ эти статьи, за исключеніемъ весьма не многихъ, составлены Барономъ Зеддлеромъ, при чемъ ему служило главнымъ источникомъ сочиненіе: Rudtorfer's Militair-Geographie, но должно сказать, что все заимствованное оттуда было подвергнуто значительному сокращенію, отчасти исправлено по другимъ сочиненіямъ и даже иногда пополнено собственными мыслями Барона Зеддлера относительно къ средствамъ и системѣ обороны различныхъ государствъ. Можно сказать, что статьи этаго рода составлены вообще совѣстливо и удовлетворительно, и весь трудъ Барона Зеддлера по этой части, въ совокупности взятый, занимаетъ болѣе 600 страницъ.

8) *Біографіи многихъ Монгольскихъ, Турецкихъ, Персидскихъ и другихъ Азіатскихъ полководцевъ*, въ особенности тѣхъ которые дѣйствовали въ войнахъ противъ Россіи. Для составленія этихъ Біографій служили матеріалами почти исключительно однѣ Россійскія печатныя и рукописныя сочиненія.

Наконецъ 9) *Всѣ статьи, которыя* (кромѣ уже упомянутыхъ въ 5 и 6-мъ отдѣлахъ), *заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія непосредственно до Россіи касающіяся.* — Въ этихъ весьма многочисленныхъ и частью довольно обширныхъ статьяхъ заключаются слѣдующіе предметы:

a) Исторія военнаго искуства, войскъ и воинскихъ учрежденій въ Россіи.

b) Военная исторія Россіи отъ Рюрика до конца 18-го столѣтія.

c) Біографіи лицъ, которыя когда либо въ Россіи прославились на военномъ поприщѣ.

d) Описаніе различныхъ отраслей военной администраціи; устройства министерствъ, департаментовъ и прочее; нашей арміи и флота; нашихъ военно-учебныхъ заведеній и т. п.

e) Географическое и статистическое описаніе Россіи вообще, и отдѣльно каждой изъ ея губерній, Кавказской области, главныхъ рѣкъ, горныхъ системъ и проч.

Статьи этихъ пяти разрядовъ особо замѣчательны; онѣ при-

даютъ Военно-Энциклопедическому Лексикону высокое достоинство какъ національному, ученому труду. Рѣшительно ни одной изъ этихъ нѣсколько тысячь статей невозможно было почерпнуть изъ иностранныхъ сочиненій, гдѣ всѣ свѣдѣнія о Россіи излагаются поверхностно, ошибочно или пристрастно. Для составленія сихъ статей должно было прибѣгнуть къ исключительно Русскимъ источникамъ; но извѣстно какъ недостаточна и даже бѣдна наша литература по всѣмъ вышеозначеннымъ предметамъ, въ особенности касающимся нашей военной старины. Малое только число этихъ статей, можно было извлечь прямо изъ прежде изданныхъ сочиненій, для большей же части должно было собирать матеріалы изъ многоразличныхъ источниковъ, какъ то изъ весьма рѣдкихъ книгъ и брошюръ; различныхъ рукописей; архивныхъ документовъ; формулярныхъ списковъ; полнаго собранія Законовъ Россійской Имперіи и проч. Если сообразить, съ одной стороны скудость и недостаточность существовавшихъ матеріаловъ, и чрезвычайный трудъ отысканія и собранія новыхъ скрытыхъ доселѣ источниковъ, а съ другой — сообразить ту массу новыхъ свѣденій, которыми подарилъ Русскую ученую литературу Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, то нельзя не согласиться, что сдѣланное далеко превосходитъ все, что можно было ожидать отъ перваго опыта въ семъ родѣ. Главная основа для Русскаго Военнаго Лексикона положена превосходно; для послѣдователей остается только пополнять и исправлять существующее. Особаго вниманія достойны большая часть статей принадлежащихъ къ первымъ тремъ разрядамъ (*a*, *b* и *c*). Стоитъ только ознакомиться съ содержаніемъ ихъ, чтобы видѣть высокую цѣну этихъ работъ для Русской военной исторіи. Такъ на примѣръ мы находимъ въ 1-мъ разрядѣ (*a*) статью Н. В. Савельева-Ростиславича въ которой весьма хорошо излагается *ратное дѣло въ Россіи*, прекрасныя статьи А. В. Висковатова объ *исторіи нашихъ егерей*, *карабинеровъ*, *кирассировъ*, *конныхъ-гренадеровъ*, *кавалергардовъ*, *знаковъ отличія*, *знаменъ* и кромѣ того многочисленныя статьи другихъ сочинителей,

объясняющія древнее русское оружіе, старинные военные термины, чины, званія, должности, и т. под. По 2-му разряду находимъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ походахъ, морскихъ экспедиціяхъ, сраженіяхъ, осадахъ, и убѣждаемся въ стараніи редакціи не пропустить ни малѣйшаго, сколько нибудь замѣчательнаго произшествія изъ нашей военной исторіи, начиная со временъ Рюрика. Помѣщены между прочимъ даже и такія свѣдѣнія, которыя не относясь прямо къ военнымъ дѣйствіямъ, служатъ къ славѣ нашей арміи и флота, какъ на примѣръ описаніе экспедиціи Литке (Lütke). Обращаясь наконецъ къ третьему разряду мы по справедливости должны изумляться множеству вновь составленныхъ біографій не только однихъ полководцевъ и генераловъ, но и всѣхъ другихъ лицъ, когда либо и чѣмъ либо содѣйствовавшихъ къ славѣ или къ пользѣ русской арміи и флота. Разумѣется, что свѣдѣнія, собранныя въ лексиконѣ, по разсматриваемымъ тремъ разрядамъ, еще далеко не полны, — что по новости дѣла и недостатку въ матеріалахъ упущено многое и что для послѣдователей остается еще обширное поле для разысканій и дѣйствія, — но не менѣе того все сдѣланное сотрудниками лексикона заслуживаетъ въ высочайшей степени признательность публики. Малая лишь часть всѣхъ этихъ статей могла быть составлена безъ особыхъ знаній и трудовъ; въ весьма же значительномъ числѣ ихъ обнаруживаются плоды многолѣтнихъ неусыпныхъ трудовъ въ собраніи матеріаловъ, что въ особенности должно сказать о статьяхъ А. В. Висковатова а также отчасти и о статьяхъ С. П. Крашенинникова и Н. В. Савельева-Ростиславича, и другихъ. Впрочемъ лица, трудившіяся надъ составленіемъ подобныхъ статей принесли всѣ, хотя и не въ одинакой степени, но явную, неоспоримо-важную пользу военно-исторической Русской литературѣ. Укажемъ здѣсь на тѣхъ изъ сотрудниковъ, труды которыхъ, по обширности или особому достоинству казались намъ замѣчательнѣйшими — таковы труды: В. М. Романовича, А. Н. Коробанова, И. П. Боричевскаго, М. И. Богдановича, Д. И. Языкова.

Не можемъ не упомянуть также о превосходной статьѣ Н. И. Греча: *«Александръ I-й»*. Что касается до статей, относящихся къ 4-му и 5-му разрядамъ, то, какъ само собою разумѣется, и составленіе оныхъ не могло дѣлаться безъ тщательнаго трудолюбиваго собранія матеріаловъ; въ особенности же можно это сказать о статьяхъ географическихъ и статистическихъ, между которыми намъ показались особо замѣчательными, принадлежащія Л. И. Штырмеру, А. И. Шелашникову, М. И. Богдановичу.

Баронъ Зеддлеръ, хотя по послѣднимъ пяти разрядамъ и не столько содѣйствовалъ собственными сочиненіями, сколько по всѣмъ остальнымъ, однако помѣстилъ и тутъ довольно значительное число статей, между которыми есть весьма хорошія. Барономъ Зедделеромъ были составлены между прочимъ: *Описаніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній*, и біографіи: *Кульнева*, *С-нъ При*, *Строгоновыхъ*, *Суворова*, *Крейца*, *Рота*, *Сухтелена*, *Толстаго*, *Феги*, *Кайсарова*, *Бенкендорфа*, *Орлова-Денисова*, *Платова* и *Тучковыхъ*.

Сообразивъ всю огромность труда по составленію Военно-Энциклопедическаго Лексикона, и недостаточность готовыхъ или удовлетворительныхъ матеріаловъ для работъ, можно не заглянувъ даже въ самое твореніе, смѣло заключить, что оно, при всѣхъ изложенныхъ нами первенствующихъ своихъ достоинствахъ, должно заключить въ себѣ и тѣ недостатки, которые неизбѣжны при первоначальномъ составленіи всякаго исполинскаго ученаго труда. — Такъ и оказывается на самомъ дѣлѣ.

Недостатки, нами замѣченные, заключаются преимущественно въ слѣдующемъ:

1) Между большинствомъ хорошихъ статей, встрѣчаются многія посредственныя и даже слабыя.

2) Не рѣдко находимъ свѣдѣнія не точныя или мѣлкія погрѣшности, въ особенности же въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкихъ военныхъ словарей.

3) Въ весьма многихъ статьяхъ, объемъ, данный изложенію, не соразмѣренъ со степенью важности предмета. Такъ на при-

мѣръ: Описанію Испанскихъ войнъ (64 стран.) и войнѣ Русскихъ противъ Польскихъ мятежниковъ (75 стран.) данъ объемъ въ двое обширнѣйшій, чѣмъ описаніямъ войнъ отъ 1792 до 1802 года, 1806 и 1807 годовъ, или 1814-го года, и въ пятеро обширнѣйшій разсказа о походѣ 1805 года; военныя дѣйствія нѣкоторыхъ, самыхъ впрочемъ знаменитыхъ полководцевъ, изложены до крайности сжато, такъ на примѣръ всѣмъ походамъ Густава Адольфа посвящена одна только страница; гимнастика, предметъ немаловажный въ военномъ отношеніи, изложенъ на полустраницѣ; о военной администраціи, какъ наукѣ, сказано такъ мало, что этотъ предметъ можно считать какъ бы пропущеннымъ вовсе, и т. под.

4) Второстепенныя сраженія, о которыхъ упомянуто въ разсказѣ о походахъ, не всегда помѣщены въ алфавитномъ спискѣ, такъ что тотъ, кто не знаетъ въ какой именно войнѣ такое сраженіе происходило, не будетъ и въ состояніи отыскать въ лексиконѣ свѣдѣнія о немъ.

5) Изложеніе всего относящагося до артиллеріи и фортификаціи составляетъ самую слабую сторону лексикона, какъ потому, что часть статей, составленныхъ по этимъ предметамъ, требуетъ значительнаго исправленія, такъ и въ особенности, что объ артиллеріи и фортификаціи вообще въ лексиконѣ сообщались только одни необходимѣйшія общія свѣдѣнія, заключающіяся въ небольшомъ числѣ статей.

Всѣ недостатки въ первыхъ 4-хъ пунктахъ показанные, принадлежатъ къ разряду тѣхъ, которые, не смотря на всевозможное стараніе редакціи, болѣе или менѣе неизбѣжны при всякомъ поспѣшномъ составленіи подобной огромной работы, и при участіи въ ней множества лицъ, различныхъ между собою по взгляду, познаніямъ и способностямъ. Недостатки подобнаго рода могутъ быть исправлены постепенно при 2-мъ и послѣдующихъ изданіяхъ, и то лишь отчасти, потому что совершенство ни въ чемъ недостигаемо, а тѣмъ менѣе въ такомъ исполинскомъ трудѣ. Что же касается до недостатка, упомянутаго

въ 5-мъ пунктѣ, то онъ явно произошелъ отъ особаго взгляда редакціи, которая для избѣжанія еще большаго разширенія лексикона, полагала достаточнымъ излагать тѣ только свѣдѣнія объ артиллеріи и фортификаціи, какія необходимы всякому вообще офицеру, исключая при томъ всѣ техническія подробности, необходимыя артиллерійстамъ и инженерамъ. По нашему мнѣнію такой обширный словарь, каковъ Военно-Энциклопедическій, долженъ бы былъ включать въ себѣ полные по всѣмъ частямъ словари объ артиллеріи и фортификаціи. Что же касается до опасенія, что такими подробностями излишне разширился бы объемъ изданія, то намъ кажется, что было бы гораздо лучше сократить статьи, относящіяся къ общей исторіи и географіи, нежели представить въ неудовлетворительномъ объемѣ двѣ изъ важнѣйшихъ отраслей чисто-военныхъ наукъ.

Сравнивая нашъ Военный Лексиконъ съ тѣми иностранными, которые по цѣли и обширности ему подобны, а именно со словаремъ фонъ деръ Люге и изданнымъ въ новѣйшее время словаремъ Барденя (Bardin), мы найдемъ и въ нихъ тѣже самые недостатки, какіе указали въ нашемъ лексиконѣ и частію даже болѣе значительные; но за то въ нихъ нѣтъ и всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыя представляетъ Русскій Лексиконъ. — Словарь фонъ деръ Люге уступаетъ нашему, (какъ мы показали въ началѣ нашего разбора), не только въ полнотѣ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ, — а словарь Барденя въ особенности потому, что большая часть статей въ немъ изложена съ пристрастнымъ, одностороннимъ взглядомъ француза. И такъ можемъ безъ преувеличенія сказать, что нашъ лексиконъ, разсматривая его съ общей Европейской точки зрѣнія, стоитъ выше двухъ единственныхъ, подобныхъ ему по цѣли и объему, словарей (замѣтимъ при томъ что словарь Барденя еще недоведенъ до конца). Разсматривая же Военно-Энциклопедическій Лексиконъ исключительно съ Русской точки зрѣнія, открываемъ въ немъ драгоцѣнное собраніе весьма многихъ, ни кѣмъ еще не изданныхъ свѣдѣній относительно нашего отечества. Соображая съ

одной стороны такія неоспоримыя достоинства, а съ другой огромность работы, нельзя не признать, что Военно-Энциклопедическій Лексиконъ составляетъ не только трудъ особенно важный и полезный, но и вообще можетъ быть смѣло поставленъ на равнѣ съ самыми замѣчательными изъ одновременно съ нимъ въ Россіи появившихся учено-литературныхъ трудовъ.

Отдавъ общій отчетъ о самомъ трудѣ, считаемъ долгомъ обратиться къ разсмотрѣнію личнаго соучастія въ немъ редактора его Барона Зедделера, застигнутаго смертію среди усиленныхъ учено-литературныхъ трудовъ своихъ.

Уже при разборѣ лексикона мы показали, какъ велико было соучастіе Барона Зедделера въ пополненіи лексикона собственными статьями, и что эти статьи принадлежатъ вообще къ хорошимъ и частію къ самымъ лучшимъ. Однѣ подписанныя его именемъ статьи въ лексиконѣ занимаютъ въ совокупности болѣе 2000 страницъ; но кромѣ того имѣются многія сотни статей никѣмъ не подписанныхъ, изъ которыхъ вѣроятно значительнѣйшая часть были также составлены или по крайнѣй мѣрѣ переработаны самымъ редакторомъ.

Сколь бы огромно ни было такое участіе въ работахъ сотрудниковъ, — но труды Барона Зедделера по части самой редакціи были не менѣе велики и притомъ еще важнѣе. Баронъ Зедделеръ былъ не только главнымъ распорядителемъ, но можно сказать настоящимъ двигателемъ, истинною душею всѣхъ работъ, отыскивая и избирая сотрудниковъ, опредѣляя какія каждому составитъ статьи, указывая направленіе въ какомъ писать, источники на коихъ основываться, и руководя даже многихъ, отчасти весьма молодыхъ своихъ сотрудниковъ при самомъ исполненіи ихъ работъ. Лучшимъ доказательствомъ до какой степени важно было личное его вліяніе на степень достоинства работъ, можетъ служить, что тѣ именно отрасли военныхъ наукъ, въ которыхъ онъ, по собственному признанію, имѣлъ только *общія*, не довольно полныя свѣдѣнія, и именно артиллерія и фортификація, — составляютъ и самую неудовлетворительную

часть лексикона. Если такимъ образомъ уже нельзя сомнѣваться, что безъ личнаго важнаго содѣйствія редактора въ направленіи и руководствованіи работами, и безъ помощи его обширныхъ и основательныхъ знаній по военнымъ наукамъ, — лексиконъ далеко не имѣлъ бы настоящаго достоинства, — то еще менѣе подлежитъ сомнѣнію, что безъ неусыпной дѣятельности Барона Зедделера, особой энергіи, съ которою онъ устремился неуклонно къ одиножды предположенной цѣли, и той твердости, съ которою преодолѣвалъ всѣ встрѣчаемыя препятствія, — Военно-энциклопедическій лексиконъ неминуемо имѣлъ бы одинаковую участь со всѣми другими подобными нашими предпріятіями, т. е. онъ остался бы неоконченнымъ. Въ этомъ можно убѣдиться, припомнивъ, какъ составлялся Военно-энциклопедическій лексиконъ.

Когда приступали къ его изданію, то, редакція была возложена на три лица: Н. И. Гречу поручена была редакція статей невоенныхъ, Барону Зедделеру — статей по сухопутно-военной и Адмиралу Рикорду по морской части. Тогда предполагалось, что весь лексиконъ вмѣстится въ шести томахъ и окончится въ шесть лѣтъ.

Въ началѣ все посчастливилось новому предпріятію. Г-нъ Военный Министръ, усмотрѣвъ особую полезность этаго труда, исходатайствовалъ для него *Высочайшее* вспомоществованіе, ежегодно по 10,000 руб. асс. въ продолженіи предполагаемыхъ шести лѣтъ работы; публика также приняла въ этомъ изданіи живѣйшее участіе и число первоначальныхъ подписчиковъ простиралось до 7500.

По изданіи въ 1837 году перваго тома лексикона, содержавшаго статьи на одну букву А, редакція начала опасаться, что не возможно будетъ втѣснять въ шесть томовъ огромную массу предметовъ, предполагаемыхъ по программѣ, и что должно будетъ, по крайней мѣрѣ, удвоить число томовъ. Это подтвердилось слѣдующими за тѣмъ двумя томами, въ которые вошли только буквы Б и В, и оказало первое вредное вліяніе на успѣхъ

лексикона, ибо многія лица ненадѣясь видѣть его окончаніе, перестали подписываться. Къ сему неудобству вскорѣ присоединились другія важнѣйшія: Адмиралъ Рикордъ отказался отъ редакціи и нельзя было ему найдти преемника; Баронъ Зедделеръ, по тяжкой болѣзни, былъ принужденъ проситься въ годовой отпускъ за границу; въ конторѣ и типографіи лексикона воспослѣдовали, по ненадежности лица, которому Н. И. Гречь довѣрилъ отчетную часть изданія, значительные безпорядки и остановки, и все это произошло въ то самое время, когда прекратились, по несостоятельности издателей, общій энциклопедическій лексиконъ Плюшара и почти всѣ подобныя изданія, и публика лишилась всякой довѣренности къ сего рода литературнымъ предпріятіямъ.

Въ началѣ 1841 года Ген. Баронъ Зедделеръ возвратился изъ за границы и нашелъ дѣла лексикона въ самомъ разстроенномъ, можно сказать, отчаянномъ положеніи. Число подписчиковъ уменьшилось до 1500, число сотрудниковъ до 25; вмѣсто наличныхъ денегъ были только значительные долги; къ напечатанію 4-го тома не имѣлось ни средствъ, ни матеріяловъ; а общее мнѣніе считало это изданіе погибшимъ, подобно всѣмъ другимъ.

Сотрудники предложили Барону Зедделеру принять одному на себя всю редакцію, счетную и хозяйственную часть лексикона. Вступивъ въ то самое время въ новую обширнѣйшую служебную должность, Баронъ Зедделеръ долго колебался въ отвѣтѣ, но наконецъ склонность его къ военнымъ наукамъ и убѣжденіе, что посредствомъ лексикона можно принести большую пользу Русскому войску, преодолѣли всѣ сомнѣнія. Въ слѣдъ за тѣмъ начались тѣ усиленные труды почившаго, которымъ лексиконъ обязанъ своимъ окончаніемъ.

Въ теченіи слѣдующихъ трехъ лѣтъ Баронъ Зедделеръ успѣлъ не только довести лексиконъ до буквы К, но и уплатить всѣ лежащіе на немъ долги. Но въ то самое время когда окончился 6-й томъ, наступилъ 1843 годъ, а съ нимъ настала снова для

лексикона самая опасная минута, угрожавшая изданію неминуемою почти гибелью, — настал срокъ прекращенія отпуска *Высочайше* дарованнаго, на изданіе лексикона, денежнаго вспомоществованія. Число подписчиковъ было тогда не болѣе 600 и вскорѣ уменьшилось даже до 400; выручаемая отъ подписки сумма оказалась далеко недостаточною для покрытія издержекъ по печатанію и на уплату сотрудникамъ. Въ подобномъ положеніи были нужны особая твердость, энергія и самоотверженіе, чтобъ не остановить все предпріятіе; Баронъ Зедделеръ выказалъ всѣ эти качества въ высокой степени. Онъ уменьшилъ плату сотрудникамъ за статьи; сталъ печатать 500 вмѣсто 1000 экземпляровъ; замѣнивъ уменьшившееся число сотрудниковъ собственными неусыпными трудами, онъ началъ составлять самую значительнѣйшую часть статей, не только безъ всякаго возмездія за свои труды по сочиненію ихъ и по редакціи, но даже съ пожертвованіемъ на изданіе всего собственнаго своего, небольшаго достоянія. Въ такомъ крайне-стѣсненномъ положеніи ему удалось поддержать предпріятіе еще 3 года и издать три части лексикона до буквы М, но тогда уже по малому числу подписчиковъ и недостатку собственныхъ средствъ рѣшительно прекращалась всякая возможность продолжать изданіе и это предпріятіе неминуемо рушилось бы вовсе, если бы Его Императорское Высочество Государь Цесаревичь, въ слѣдствіе просьбы Барона Зедделера, не соблаговолилъ принять посвященіе Военно-энциклопедическаго лексикона Его имени, и испросить у Государя Императора новое *Высочайшее* вспомоществованіе въ 1500 руб. сер. въ годъ, до окончанія всего изданія.

Эта Царская милость оживила новою силою и рѣшимостію редакцію и сотрудниковъ. Хотя теперь денежныя средства до окончанія изданія были обезпечены, но труда для Барона Зедделера предстояло еще весьма много, и отнюдь не менѣе чѣмъ въ предъидущіе годы. Число сотрудниковъ простиралось въ послѣднее время не выше 14 или 16, и одинъ разъ уменьшилось даже до 12-ти; притомъ изъ первоначальныхъ сотрудниковъ,

уже свыкнувшихся съ занятіями по лексикону, оставалось лишь всего пять; вся главная масса работы лежала на самомъ редакторѣ, и можно утвердительно сказать, что только его примѣрному трудолюбію, его рѣдкому постоянству въ исполненіи однажды принятой обязанности, русская военная публика одолжена доведеніемъ этой громадной работы до желаемаго конца.

Едва издавъ послѣдній XIV-й томъ своего исполинскаго лексикона, Баронъ Зедделеръ тотчасъ началъ уже думать объ усовершенствованіяхъ этаго труда, собственноручно рисовалъ особую для него карту, занимался составленіемъ дополнительнаго тома, заключающаго въ себѣ войны 1848 и 1849 годовъ, и замышлялъ даже о 2-мъ улучшенномъ изданіи, когда былъ постигнутъ внезапною смертію, къ ущербу службы и наукъ и великому прискорбію многочисленнаго его семейства, друзей и почитателей.

Двѣ недѣли передъ смертію, оправившись нѣсколько отъ тяжкой своей болѣзни, но слабый, блѣдный и не будучи даже въ состояніи вставать съ постели, Баронъ Зедделеръ приступилъ съ жаромъ къ занятіямъ по лексикону. Пламенное желаніе ускорить изданіе дополнительнаго тома, превозмогло всѣ препятствія, противупоставляемыя его изнемогающими тѣлесными силами. Въ теченіи этихъ двухъ предсмертныхъ недѣль Баронъ Зедделеръ успѣлъ сдѣлать неимовѣрно много: приготовить къ изданію уже готовый матеріялъ для двухъ печатныхъ листовъ, исправлять корректуру отпечатываемаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовить новые матеріалы для остальной части тома.

Такая изумительная умственная дѣятельность при слабости силъ тѣлѣсныхъ, на ложѣ страданія, — показываетъ до какой степени вся душа этаго превосходнаго мужа была преисполнена чувствомъ преданности къ предпринятой имъ работѣ по лексикону и съ какимъ самопожертвованіемъ, съ какою необычною силою воли онъ исполнялъ долгъ свой по этому ученому труду до самой минуты смерти, заставшей его, можемъ сказать, надъ послѣднею страницею лексикона.

Этими только истинно высокими и рѣдкими качествами редактора объясняется лучше всего, почему исполинская работа Военно-энциклопедическаго словаря была успѣшно доведена до конца, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ всѣ другія подобныя предпріятія въ нашемъ отечествѣ прекращались не оконченными.

Смѣемъ думать, что Академія наукъ почтитъ память даровитаго труженика науки, увѣнчавъ его превосходное изданіе полною Демидовскою преміею.

ОТЗЫВЪ

АКАДЕМИКА УСТРЯЛОВА

О

ЛЕКСИКОНѢ Г. ЗЕДДЕЛЕРА.

Назначенный конференціею Императорской Академіи наукъ въ число рецензентовъ *Военно-Энциклопедическаго Лексикона* (14 частей Спб. 1837 — 1850), представленнаго къ соисканію Демидовской преміи генераломъ Зедделеромъ, честь имѣю донести коммиссіи, что, по роду моихъ ученыхъ занятій, я ограничился разсмотрѣніемъ въ семъ изданіи исключительно тѣхъ статей, которыя непосредственно относятся къ Русской исторіи, не входя однакожъ въ сужденіе о предметахъ, требующихъ спеціальныхъ свѣдѣній въ тактикѣ, стратегіи и военной администраціи. Главною цѣлью моею было повѣрить историческіе факты въ біографіяхъ замѣчательныхъ лицъ, въ описаніяхъ областей и городовъ, въ обозрѣніяхъ отдѣльныхъ періодовъ и событій, въ изъясненіяхъ стариннаго устройства Русскихъ войскъ, и т. п.

Прежде всего долгомъ считаю замѣтить, что нѣкоторыя статьи въ Военно-энциклопедическимъ лексиконѣ перепечатаны, частію съ указаніемъ источниковъ, частію безъ означенія ихъ, съ маловажными перемѣнами, изъ Плюшарова *Энциклопедическаго лексикона*, изъ *Дѣяній полководцевъ* Бантышъ-Каменскаго, изъ *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли* того же автора

и изъ сочиненій Михайловскаго Данилевскаго (*Александръ I*, *Александръ Невскій*, *Алексѣй Михайловичъ*, *Еропкинъ*, *Меншиковъ*, *Минихъ*, *Румянцовъ-Задунайскій*, *Прейсишь-Эйлау*, *Фридландъ*). Всѣ прочія статьи по Русской исторіи-оригинальныя, составлены Русскими писателями, по Русскимъ матеріаламъ, сообразно съ планомъ и объемомъ лексикона. Но онѣ весьма неравнаго достоинства.

Многія статьи могли бы украсить лучшее Европейское изданіе въ этомъ родѣ. Таковы почти всѣ статьи первыхъ томовъ лексикона, когда сотрудниками генерала Зедделера были Висковатовъ, Языковъ, Горемыкинъ, Милютинъ и другіе знатоки своего дѣла. Все, что ими написано, отличается вѣрностію фактовъ, отчетливостію изложенія, строгою соразмѣрностью содержанія съ предѣлами лексикона и чистотою языка. Въ доказательство можно привести: *Азовъ* и *Азовская флотилія*, *Англо-Россійская война 1807—1812 г. Архипелажская экспедиція 1769 — 1774*, *Асландузъ*, *Албазинъ*, *к. Багратіонъ*, *Бауры*, *Брюсъ*, *Булавинъ*, *Бурцовъ*, *Бухгольцъ*, *Бутурлины*, *Вейде*, *Вейсманъ*, *Драгунскіе полки* въ Россіи и многія другія. Во второй половинѣ лексикона вмѣстѣ съ дѣльными статьями самаго Редактора, также Зеленаго, Маркевича, Писаревскаго, встрѣчаются статьи слабыя, однѣ неумѣстно длинныя, другія черезъ-чуръ краткія, нѣкоторыя вовсе забыты, иныя наполнены недосмотрами и явными ошибками.

Половецкіе набѣги, напримѣръ, разсказаны со всѣми подробностями лѣтописей; о *Татарахъ*, поработившихъ Россію, находимъ едва нѣсколько строкъ, ничего необъясняющихъ; Исторія Золотой орды (подъ словомъ *Кипчакъ*) состоитъ изъ одного хронологическаго перечисленія Хановъ, съ невѣрнымъ указаніемъ начала и конца нашего ига: въ первомъ случаѣ авторъ ошибся 19 годами, во второмъ 37. О *Лаврѣ*, князѣ *Словенцовъ* (!), — какъ называетъ авторъ едва упоминаемаго Греками Лавритаса, — находимъ обширное и велѣрѣчивое повѣствованіе; а доблестный защитникъ Смоленска *М. Б. Шеинъ*, бывшій въ послѣдствіи

главнокомандующимъ Царскою арміею, не удостоился особой статьи. Говорится подробно о лицахъ, чуждыхъ не только Россіи, но и всему образованному міру, о Монгольскомъ завоевателѣ X стол. *Ли*, о китайскомъ полководцѣ *Ба*, описанъ даже наружный видъ ихъ и нравъ, а забытъ фельдмаршалъ-лейтенантъ *Огильви*, который покорилъ Петру Великому Нарву и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ему къ правильному устройству Русскаго войска. Нѣтъ даже отдѣльной статьи о царствованіи Императора Павла I, столь достопамятномъ многими важными преобразованіями по всѣмъ частямъ военнаго управленія, между тѣмъ, какъ Мекленбургская герцогиня *Екатерина Іоанновна* и дочь ея принцесса *Анна* (называемая одними сотрудниками Лексикона *Анною Карловною*, другими *Анною Леопольдовною*), являются въ особыхъ статьяхъ. При имени Павла I есть ссылка на статью *Россія;* но тамъ все царствованіе его изложено въ 7 строкахъ: упомянуто только объ отправленіи Суворова въ Италію и о присоединеніи къ Россіи Закавказскихъ земель. Кромѣ того встрѣчаются ссылки на статьи, которыхъ нѣтъ вовсе: указано, напримѣръ, въ исторіи гвардіи *Россійской* при описаніи Семеновскаго полка на статью *Чамберсъ*, который былъ первымъ его полковникомъ и въ послѣдствіи извѣстнымъ генераломъ, при словѣ *Де-Лима* на статью *Лима* (первый вицеадмиралъ Петра Великаго), при словѣ *Аллартъ* на статью *Галлартъ* (инженерный генералъ, составившій исторію великой сѣверной войны), при словахъ *Андреевскій* орденъ, *Александровскій* орденъ, *Владимірскій* орденъ, на статью *Ордена Россійскіе;* но ни одной изъ указанныхъ статей въ Лексиконѣ нѣтъ. Въ замѣнъ того, нѣкоторыя статьи повторены дважды: *Бахтерецъ* и *Бехтерецъ*, *Кайнарджи* и *Кучукъ-Кайнарджи*.

Важнѣйшій недостатокъ многихъ статей по Русской Исторіи Военно-Энциклопедическаго-Лексикона заключается въ невѣрномъ изложеніи фактовъ, такъ, что при новомъ изданіи статьи главныя, такъ сказать капитальныя, на которыя безпрестанно дѣлаются ссылки, *Россія*, *Малороссія*, *ратное дѣло въ Россіи*,

Петръ I, Екатерина II, необходимо надобно передѣлать. Нельзя не пожалѣть, что онѣ достались на долю писателямъ, которые не въ силахъ были съ ними сладить. Для доказательства приведу нѣсколько примѣровъ.

Авторъ статьи *Петръ I Алексѣевичъ* очевидно незнакомъ съ самыми извѣстными фактами: онъ пишетъ, что «Царь Ѳеодоръ «Алексѣевичъ наименовалъ своими наслѣдниками Іоанна и Петра» между тѣмъ, какъ Ѳеодоръ скончался, не назначивъ себѣ преемника; что «Іоаннъ, ослѣпленный красотою своей супруги, «не обращалъ никакого вниманія на протекавшія мимо его «событія», а изъ актовъ видно, что онъ не могъ заниматься дѣлами государственными по природной слабости зрѣнія и другимъ тѣлеснымъ недугамъ; что «Царевна Софія въ 1686 году «заключила миръ съ Шведами», какъ будто мы предъ тѣмъ воевали съ Швеціею: миръ съ нею заключенъ еще Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ за 25 лѣтъ и съ тѣхъ поръ разрыва не было до Петра Великаго. Въ сраженіи подъ Воскресенскимъ монастыремъ, по словамъ автора, осталось на мѣстѣ 3000 мятежныхъ стрѣльцовъ (тоже повторилъ и авторъ статьи *Шеинъ*), а по актамъ видно, что изъ мятежниковъ въ семъ сраженіи убито 15, ранено 37, итого 52 человѣка. Къ довершенію всего Петру Великому приписано «основаніе Славяно-Греко-Латинской Академіи» чего конечно не сказано ни въ одномъ учебникѣ. Такъ написана вся статья о безсмертномъ Петрѣ.

Почти не лучше изложено и царствованіе Екатерины II: таже сбивчивость понятій, таже невѣрность фактовъ: по словамъ автора, въ первую Турецкую войну князь Долгорукій замѣнилъ генерала Медема въ командованіи ввѣренною ему арміею и завоевалъ Крымъ; но во 1) генералъ Медемъ командовалъ не арміею, а отрядомъ Калмыковъ и Казаковъ, съ небольшою частію регулярнаго войска, и дѣйствовалъ не противъ Крыма, а противъ Кубанскихъ Татаръ; во 2) князь Долгорукій принялъ начальство надъ второю арміею послѣ графа Панина; Медемъ же по прежнему продолжалъ дѣйствовать на Кубани. «Флоты

«Кронштатскій и Архангельскій, говоритъ авторъ, поплыли въ «Средиземное море.» У Копенгагена присоединились къ эскадрѣ Спиридова два корабля Ростиславъ и Всеволодъ, пришедшіе изъ Архангельска; но развѣ два корабля составляютъ флотъ? Въ числѣ условій Кайнарджійскаго мира не показано главнѣйшаго: свободнаго плаванія Русскихъ кораблей по Черному морю и чрезъ Босфоръ и Дарданеллы по Архипелажскому, на что Туркамъ столь же тяжело было согласиться, какъ и на признаніе независимости Татаръ. Раздѣлъ Польши изложенъ вообще невѣрно и отнесенъ къ 1779 году, вмѣсто 1772. При описаніи Пугачевскаго бунта ни слова не сказано о дѣйствіяхъ Бибикова, имѣвшихъ спасительное вліяніе на Москву. Авторъ пишетъ, что «по Ясскому трактату Бессарабія, Молдавія и Валахія объ«явлены самостоятельными владѣніями.» Ясскимъ трактатомъ Порта обязалась только выполнить свое обѣщаніе, данное при заключеніи Кайнарджійскаго договора, о дарованіи Молдавіи и Валахіи разныхъ льготъ и облегченій; но предоставлять имъ самостоятельности никогда не думала.

Подобныя погрѣшности разсѣяны по многимъ другимъ статьямъ: учрежденіе *Засѣкъ* — оборонительныхъ линій отъ Татаръ — приписано Іоанну Калитѣ и ни слова не сказано объ истинномъ учредителѣ ихъ Борисѣ Годуновѣ: не могъ Іоаннъ Калита строить засѣки и «укрѣплять ими всю страну отъ Оки «къ Дону и чрезъ Донъ къ Волгѣ,» потому, что владѣнія его на югѣ простирались не далѣе Оки, да и лѣтописи не говорятъ о томъ ни слова. Въ статьѣ *Карловицъ* сказано, что здѣсь Россія въ 1698 году «заключила перемиріе сначала на 2 года, а въ «слѣдующемъ году продолжила на 10 лѣтъ.» Въ 1699 году заключенъ съ Турціею тридцатилѣтній миръ въ Константинополѣ. Князь *Ѳ. Ю. Рамодановскій* названъ «генералиссимусомъ «надъ регулярными войсками:» генералиссимусомъ онъ былъ только въ потѣшныхъ походахъ вмѣстѣ съ Бутурлинымъ, который также носилъ это званіе; арміею же командовали фельдмаршалы Шереметевъ и Меншиковъ безъ малѣйшаго вліянія

Кн. Ромодановскаго. Въ статьѣ *Каспійская флотилія* сказано, что первый Русскій военный корабль Орелъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ построенъ Голландцемъ Бутлеромъ. Бутлеръ былъ капитаномъ, а не строителемъ корабля Орелъ и пріѣхалъ въ Дѣдново, когда корабль былъ уже готовъ, какъ упомянуто и въ статьѣ Висковатова *Бутлеръ*.

Нельзя также не замѣтить немаловажнаго недостатка даже въ лучшихъ статьяхъ Русскихъ авторовъ Военно-Энциклопедическаго-Лексикона: непонятной небрежности въ библіографическихъ указаніяхъ. Немного было въ Россіи военныхъ людей, оставившихъ записки о своихъ походахъ и о современныхъ событіяхъ: тѣмъ онѣ драгоцѣннѣе. Однѣ изъ нихъ еще неизданы, но другія напечатаны. Указать покрайней мѣрѣ послѣднія точно, опредѣлительно, по примѣру лучшихъ изданій энциклопедическихъ иностранныхъ, было безъ сомнѣнія непремѣнною обязанностію трудившихся надъ Лексикономъ. На дѣлѣ выходитъ противное: писавшіе біографіи воиновъ-литераторовъ, или вовсе не обращали вниманія на ихъ литературные труды, или приводили ихъ сбивчиво и неисправно. Записки князя *Ю. В. Долгорукаго*, изъ которыхъ напечатанъ весьма любопытный отрывокъ для исторіи первой Турецкой войны при Екатеринѣ II въ Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ, — записки о жизни и службѣ *Александра Ильича Бибикова*, составленныя сыномъ его сенаторомъ Бибиковымъ, весьма важныя для исторіи времени Екатерины II, — записки графа *Миниха*, сына фельдмаршала, во многомъ поясняющія военныя и политическія дѣйствія отца, — мемуары Шведскаго посланника при Русскомъ дворѣ, фельдмаршала *Стединга*, яркими чертами изображающіе лица и событія предъ началомъ Шведской войны въ 1808 году — не упомянуты вовсе. О журналѣ генерала *Гордона* сказано, что онъ отысканъ и выпущенъ въ свѣтъ извѣстнымъ Миллеромъ. Оригиналъ до сихъ поръ не изданъ, а Нѣмецкій переводъ напечатанъ недавно Поссельтомъ. До изданія сего перевода журналъ Гордона извѣстенъ былъ по ссылкамъ Миллера при описаніи потѣшнаго войска'

по извлеченіямъ Байера въ Азовской исторіи и по переводу небольшаго отрывка въ Россійскомъ Магазинѣ Туманскаго. Въ статьѣ *Графъ Каменскій*, Николай Михайловичъ, замѣчено, что «о походѣ своемъ въ 1807 году онъ издалъ въ свѣтъ весьма «любопытное сочиненіе,» какое же именно, не объявлено, и прочитавшій эти строки тщетно будетъ искать описанія похода 1807 года, чтобы узнать, напримѣръ, что разсказываетъ Каменскій о кровавой битвѣ при Прейсишъ-Эйлау, въ которой онъ былъ однимъ изъ главныхъ героевъ. Гр. Каменскій описалъ одинъ только эпизодъ войны 1807 года — оборону Данцига, въ изданномъ имъ *Журналѣ военныхъ дѣйствій войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Каменскаго 2.* Въ статьѣ *Манштейнъ* сказано, что «онъ оставилъ любопытныя «военныя и историческія сочиненія. Самое важнѣйшее и любо«пытнѣйшее изъ нихъ, изданное на нѣмецкомъ и французскомъ «языкахъ, переведено три раза подъ заглавіемъ», . . . слѣдуетъ исчисленіе русскихъ переводовъ, съ замѣчаніемъ, что «изданный въ Дерптѣ въ 1810 году лучше и полнѣе другихъ и что на записки М-на написаны критическія заключенія (?) графомъ Остерманомъ, весьма любопытныя.» Все это справедливо; но во 1) кромѣ записокъ о Россіи другія сочиненія Манштейна военныя и историческія вовсе неизвѣстны: въ біографіи его къ Французскому изданію сказано, что онъ оставилъ замѣчанія на Поливія, которыя однакожъ не изданы, и слѣдовательно любопытны они или нѣтъ, судить трудно; во 2) вмѣсто перечисленія безтолковыхъ Русскихъ переводовъ, занявшаго не мало мѣста въ Лексиконѣ, необходимо было сказать нѣсколько словъ объ оригиналѣ, на какомъ языкѣ онъ писанъ, кѣмъ, когда и гдѣ изданъ и притомъ въ какомъ видѣ: здѣсь это обстоятельство важнѣе Русскихъ переводовъ. Онъ писанъ на Французскомъ языкѣ и первый издатель его *Губеръ* (въ Лейпцигѣ 1771) счелъ нужнымъ передѣлать слогъ автора, даже исключить нѣкоторыя, по мнѣнію его, длинноты и излишнія подробности. Все это

умѣстилось бы въ трехъ, четырехъ строкахъ, а для читателя было бы полезнымъ указаніемъ.

При такихъ недостаткахъ и рѣзкихъ ошибкахъ, встрѣчающихся во многихъ другихъ статьяхъ, Военно-Энциклопедическій Лексиконъ конечно не всегда можетъ служить надежнымъ путеводителемъ или справочною книгою по части Русской исторіи; но какъ Русская исторія входила въ него болѣе предметомъ вспомогательнымъ, главною же цѣлью редакціи было изъяснить все, что относится до военнаго дѣла, во всѣхъ видахъ и отрасляхъ его, то рѣшеніе вопроса о назначеніи Военно-Энциклопедическому Лексикону Демидовской преміи, должно зависѣть отъ рецензіи какъ общаго состава, такъ и отдѣльныхъ статей его въ военномъ смыслѣ.

РАЗБОРЪ

сочиненія:

DIE SCHWEDEN AN DEN KÜSTEN EHSTLANDS UND AUF RUNÖ.

EINE HISTORISCH-ETHNOGRAPHISCHE UNTERSUCHUNG

VON

C. RUSSWURM,

INSPECTOR DER SCHULEN ZU HAPSAL. MS.

Составленный

Г. Ординарнымъ Академикомъ

Шегреномъ.

Это обширное сочиненіе было прислано Академіи уже къ прошлогоднему конкурсу, но взято обратно самимъ авторомъ изъ опасенія, что поспѣшность, съ какою онъ принужденъ былъ окончить и отослать свою рукопись, могла бы повредить достоинству его работы, почему онъ желалъ съ бóльшимъ досугомъ подвергнуть ее вторичному тщательному пересмотру. И дѣйствительно по ближайшемъ разсмотрѣніи всей рукописи въ томъ видѣ, въ которомъ она нынѣ предлежитъ намъ, нельзя не убѣдиться, что пересмотръ былъ сплошной и исполненъ съ осмотрительностію и тщаніемъ, причемъ иныя частности, относительно какъ самого содержанія, такъ и формы, отчасти повѣрены, или ближе опредѣлены, отчасти дополнены, а съ другой стороны иныя подчиненныя вещи, короче изложены или и вовсе исключены и вообще цѣлое такъ переработано, что оно въ сравненіи съ прежнимъ видомъ рукописи можетъ почесться вторымъ весьма исправленнымъ ея изданіемъ.

Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на 2 главныя части; одну топографически-историческую и другую этнографическую; изъ которыхъ первая состоитъ изъ толстаго тома ин-кварто, заключающаго въ себѣ кромѣ предисловія, общаго перечня и показанія сокращеній и приведенныхъ авторовъ, со включеніемъ приложенія, всего 1255 страницъ, а вторая этнографическая въ двухъ отдѣльныхъ томахъ ин-кварто же всего 187 листовъ, т. е. около 1500 страницъ. Особенный 4-ый томъ, также въ

четвертку, имѣетъ отдѣльное заглавіе: Urkunden, betreffend die Schweden an den Küsten Ehstlands (документы относительно къ Шведамъ на берегахъ Эстляндіи) и содержитъ въ себѣ вмѣстѣ съ оглавленіемъ 386 страницъ. Сверхъ того къ цѣлому еще приложены: 1) тетрадка ин-4° съ небольшими спеціальными картами, изображеніями огненныхъ сигналовъ (Feuerbaken) и могильныхъ крестовъ, съ надписями и знаками, употреблявшимися у владѣльцевъ домовъ вмѣсто подписи имени, съ нотами пѣсней, планами зданій и жилищъ, съ домашнею утварью, деревянными календарями и росписью церковныхъ дней на нихъ или на руническихъ жезлахъ, — все вмѣстѣ на 34 листахъ и 2) другая тетрадка ин-фоліо съ 25 листами рисованныхъ Шлихтингомъ національныхъ одеждъ.

Таково общее раздѣленіе этого объемистаго труда! А чтобы дать обзоръ также самаго содержанія и распредѣленія его въ 2 главныхъ отдѣлахъ и въ 3 томахъ ин-кварто, я помѣщу здѣсь изъ реэстра самаго автора заголовки отдѣльныхъ главъ и параграфовъ: *первая глава. Топографія и исторія.* A. *Введеніе.* B. *Естественныя отношенія.* Море. Глубина моря. Отмели. Маяки. Берегъ морской. Отмываніе берега. Произведенія моря. Солончаки. Рѣки. Озера. Болота. Пустыри. Горы. Геологія. Климатъ. Явленія природы. Ледъ. Несчастныя приключенія. Произведенія. C. *Исторія.* Прежніе набѣги Скандинавовъ. Время заселенія. Родина. Развитіе. Число Шведовъ. Слѣды Шведовъ. D. *Спеціальная топографія и исторія.* I. *Рунö.* Море. Лѣсъ. Величина. Климатъ. Произведенія. Имя. Занятіе острова. Исторія. Герцогъ Вильгельмъ. Земледѣліе. Часовни. Церковь. Маякъ. Береговая стража. Мѣстности. II. *Эзель.* Имя: Эйсиссель. Базилія. Исторія. Адалсиссель. Шведы. Шварбе. Моонъ. III. *Лифляндія* и *Курляндія.* Кунё. Маннё. Стокгольмъ. Озеро Пейпусъ. Феллинъ. Рига. Дюнабургъ. Нурмгаузенъ. Курляндія. IV. *Южный Викъ* (Wieck). Карассу. Пивароцъ. Састгама. Кирраферъ. Роотсикюлль. Рётель. Ротала. Гапсаль. V. *Догоэ.* Природа. Имя. Заселеніе. Исторія. Погилепъ.

Гильнгофъ. Валлипё. Пардасъ. Кертеллъ. Гогенгольмъ. Дагерортъ. Маяки. Стеклянный заводъ. Рёиксъ. Исторія, переселеніе съ острова. Состояніе. Языкъ. Дальнѣйшіе слѣды Шведовъ. VI. *Вормсъ.* Естественное свойство. Имя. Заселеніе. Исторія. Величина. Деревни. Другія мѣстности. VII. *Нуккё.* Имя. Исторія. Полуостровъ Нуккё. Эгеландъ. Одинсгольмъ. VIII. *Гарріенъ.* Падисъ. Рогё. Вихтерпаль. Неве. Наргё. Врангё. Ревель. IX. *Ярвенъ.* X. *Вирландъ.* XI. *Ингерманландъ.* XII. *Альтъ-Шведендорфъ* близь Берислава въ южной Россіи. — *Вторая глава. Этнографическія отношенія.* I. *Тѣлесное свойство.* Тѣлосложеніе. Состояніе здоровья. Просто-народныя лечебныя средства. II. *Жилища.* Деревни. Знаки домовъ. Челядь. Жилой домъ. Пристройки. Мельницы. Домашнее хозяйство. Усыновленія. Имена. Гакены (поземельная мѣра). Болены. Батраки (Lostreiber). Пашни. Барщина. III. *Промыслы:* Земледѣліе. Скотоводство. Звѣриная ловля. Рыболовство. Мореходство. Крушеніе судовъ. Контрабанда. Искусства. IV. *Пища.* V. *Одежда.* Измѣненія. Моды. Рунё. Дагё. Вормсъ. Нуккё. Вихтерпаль. Рогё. VI. *Праздничные обычаи.* Крестины. Свадьба. Похороны. Временные обычаи. VII. *Увеселенія.* Дѣтскія игры. Зимнія игры. Общественныя игры. Карточная игра. Пляска. Музыкальные инструменты. Пѣніе. Народныя пѣсни. VIII. *Характеръ.* Нравъ. Трудолюбіе. Благосостояніе. Привязанность къ старинѣ. Повиновеніе. Непокорность. Любовь къ свободѣ. Мужество. Необдуманность. Откровенность. Гостепріимство. Добродушіе. Честность. Воздержаніе. Опрятность. Цѣломудріе. Набожность. IX. *Умственное образованіе.* Воспитаніе. Домашнее обученіе. Школы. Учители. Успѣхи просвѣщенія. X. *Лѣтосчисленіе.* Вообще. Деревянные календари. Разные ихъ роды. Древность ихъ. Дни святыхъ. Руны. Руническіе календари. Врунѣ лѣто. Вычисленіе Пасхи. Раздѣленіе времени. Переходящіе праздники. XI. *Суевѣріе. Преданія.* Введеніе. Воспоминанія изъ временъ язычества. Воспоминанія Католическія. Поклоненіе деревамъ. Звѣри. Змѣи. Волки. Волшебство. Гаданіе.

Клады. Привидѣнія. Преданіе о чумѣ. Скотскій падежъ. Холера. Мѣстныя преданія. Сказки. XII. *Языкъ. Образчики языка.* XIII. *Церковныя отношенія.* Церкви и Часовни. Проповѣдники. Богослуженіе. Пастырство. Церковные старосты. Пономари. Церковныя подати. Владѣнія пастората. Правосудіе. Посторонніе доходы. XIV. *Судебныя отношенія.* Общинныя учрежденія. Ленникъ (Länsmann). Частное право. Казенныя повинности. Рекруты. Отношенія къ помѣщику.

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ весьма подробною монографіей, въ которой авторъ во всѣхъ отношеніяхъ стремился къ возможно бóльшей, исчерпающей предметъ, полнотѣ; но имѣя въ виду эту цѣль, при первой обработкѣ иногда впадалъ въ часто свойственную таковымъ монографіямъ ошибку — придавать всему, что только относится къ предмету, одинаковую важность и обработывать каждую часть, если не съ равною, то по крайней мѣрѣ съ излишнею обширностью. Впрóчемъ, надобно сказать, что большая часть несообразностей этого рода въ сочиненіи автóра уже устранèна имъ самимъ при вторичномъ его пересмотрѣ и многія изъ отдѣльныхъ частей, слишкомъ растянутыя, какъ выше было замѣчено, въ первомъ начертаніи, или приведены въ настоящій объемъ или и вовсе изглажены. Сюда принадлежатъ напр. громада спеціальныхъ данностей относительно къ исторіи отдѣльныхъ имѣній, имѣющихъ болѣе мѣстный, нежели общій интересъ, слишкомъ далеко распространенныя попытки объяснить происхожденіе входящихъ въ кругъ изслѣдованія мѣстныхъ именъ и. т. д. И теперь конечно то или другое можетъ показаться излишнимъ; но не надобно забыть, что и для таковыхъ сочиненій есть различные читатели, требованія и интересы которыхъ очень разнствуютъ между собою и что ученѣйшіе и образованнѣйшіе изъ читателей скорѣе готовы видѣть въ сочиненіи что либо менѣе существенное и подчиненное, нежели не спохватиться чего либо, дѣйствительно важнаго.

Такіе то именно читатели конечно не преминутъ воздать

автору должное почтенiе и признательность за ту любовь и настойчивость, съ каковыми онъ въ продолженiе годовъ собиралъ отмѣнно богатый запасъ матерiаловъ, накопленныхъ, разобранныхъ и упорядоченныхъ въ этой занимательной монографiи.

Заслугу автора въ этомъ отношенiи должно оцѣнить тѣмъ выше, что онъ собственно имѣлъ только одного предшественника, да и то только относительно небольшаго изолированнаго острова Рунё, въ *Экманнѣ*, издавшемъ на Шведскомъ языкѣ описанiе этого острова (Beskrifning von Runö). Что же касается до прочихъ бо́льшихъ, нынѣшнихъ или прежнихъ Шведскихъ областей, то объ нихъ имѣлись только случайныя разбросанныя свѣдѣнiя въ разныхъ старинныхъ или новѣйшихъ сочиненiяхъ, которыя въ такомъ мѣстѣ, какъ Гапсаль, само собою разумѣется, не легко было добыть; но за всѣмъ тѣмъ авторъ, вообще не щадившiй никакой жертвы для исполненiя своей работы, умѣлъ себѣ доставить необходимѣйшiя и важнѣйшiя печатныя литературныя пособiя, или извлеченiя изъ нихъ. Сверхъ того онъ пользовался на этотъ конецъ еще публичными и частными архивами, которые ему предоставляемы были отдѣльными чиновниками, помѣщиками и другими частными лицами въ продолженiе нарочно предпринимаемыхъ имъ во время вакацiй поѣздокъ въ разныхъ направленiяхъ для того, чтобы изъ собственной наглядности и личнымъ изслѣдованiемъ лучше и достовѣрнѣе ознакомиться съ относительными мѣстностями и ихъ обитателями. Эта то собственная наглядность и многолѣтнiя, произведенныя особенно между Шведами на самомъ мѣстѣ, розысканiя, въ соединенiи съ строгою добросовѣстностью и счастливымъ даромъ наблюдательности и придаютъ второму или этнографическому отдѣлу наибольшую цѣну; потому что именно эта часть, съ принадлежащими къ ней приложенiями, заключающими въ себѣ вышеупомянутыя пояснительныя изображенiя, есть какъ по объему своему самая обширная, такъ и по внутреннему достоинству самая лучшая, и представляетъ намъ столь полную

и живую, а вмѣстѣ, по видимому, и вѣрную общую картину нынѣшняго быта Шведовъ во всей ихъ отличительной національности, что нельзя не желать пріобрѣтенія таковыхъ описаній и для всѣхъ народныхъ племенъ въ Россіи, еще не вовсе утратившихъ національный свой отпечатокъ. Этимъ однако да не будетъ сказано, что только эта обширнѣйшая этнографическая часть сочиненія главнѣйше основана на собственныхъ наблюденіяхъ и розысканіяхъ автора; тоже самое относится и къ первому или такъ называемому топографо-историческому отдѣлу. Естественно и само собою понятно, что въ особенности топографія должна была тѣмъ много выиграть и даже получить настоящую свою цѣну; но и историческая часть, которая по словамъ самого автора въ предисловіи, да и вообще относительно, составляетъ слабѣйшій отдѣлъ, не осталась въ этомъ отношеніи пренебреженною и ограниченною однѣми выписками изъ прежнихъ сочиненій, а напротивъ того обязана автору за сообщеніе иныхъ, доселѣ вовсе неизвѣстныхъ фактовъ и инаго мѣстнаго преданія, заслуживающихъ быть сохраненными какъ намеки или указанія для будущаго изслѣдователя. Это же самое, а притомъ еще въ высшей степени, скажемъ и объ особенномъ бóльшемъ приложеніи къ первой части подъ заглавіемъ: Urkunden, betreffend die Schweden an den Küsten Ehstlands, а именно тѣмъ болѣе, что иныхъ изъ этихъ грамотъ самые подлинники уже вовсе потеряны и они еще существуютъ въ однѣхъ только копіяхъ, а къ тому же доселѣ лишь немногія изъ нихъ были напечатаны, да и то не совокупно, а разбросанно и какъ бы только мимоходомъ.

Я полагаю, что вышесказаннаго будетъ достаточно, дать короткій, но вмѣстѣ удовлетворительный отчетъ о сочиненіи Г-на Руссвурма, и въ тоже время указать впечатлѣніе, какое произвелъ на меня пересмотръ рукописи во второмъ исправленномъ ея видѣ. При сочиненіи такого объема, заключающемъ въ себѣ уже по самому характеру своего содержанія иное темное и загадочное, гдѣ остается довольно простора для многоразлич-

ныхъ индивидуальныхъ мнѣній читателей, смотря какъ по различію умственнаго ихъ направленія и образованія, такъ и по большему или меньшему правдоподобію самого дѣла, при таковомъ сочиненіи — говорю я — неизбѣжно, чтобы авторъ не обработалъ свой предметъ мѣстами иначе, нежели покажется за благо иному рецензенту, или чтобы онъ даже не впалъ въ иную ошибку и погрѣшность, какъ то между прочимъ доказываютъ и отдѣльныя прилагаемыя къ общему моему отзыву замѣчанія. Поправки эти, которыя авторъ легко можетъ сдѣлать еще въ рукописи, какъ по числу своему, такъ и по свойству ихъ, въ сравненіи съ цѣлымъ сочиненіемъ всякому благонамѣренному судьѣ конечно покажутся слишкомъ маловажными, чтобы могли повредить внутреннему его достоинству. Въ уваженіе этого то достоинства труда Г-на Русвурма и того существеннаго обогащенія, какое онъ не преминетъ принести наукѣ, я осмѣливаюсь предложить, чтобы Академія присудила автору въ награду за неутомимое многолѣтнее его прилежаніе и за тѣ жертвы, временемъ, трудами и издержками, которыя онъ, не будучи самъ достаточенъ, принесъ своей работѣ, полную Демидовскую премію, а сверхъ того, если то дозволятъ обстоятельства, назначила ему еще приличное пособіе для напечатанія какъ обширной рукописи, такъ, буде возможно, и принадлежащихъ къ ней, пояснительныхъ иллюстрацій.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на Профессора П. ИЛЬЕНКОВА

подъ заглавіемъ:

КУРСЪ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГІИ.

С. Петербургъ 1851. 8°.

III тома,

съ атласомъ и политипажами,

составленный

Г-ми Академиками

Ленцомъ, Якоби и Фритцше.

Г. Профессоръ Ильенковъ издалъ въ минувшемъ году сочиненіе, которое нижеподписавшіеся сочли довольно важнымъ для того, чтобы обратить на него вниманіе Академіи. Оно носитъ заглавіе: Курсъ Химической Технологіи и заключаетъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ диссертацій съ изложеніемъ всѣхъ тѣхъ химическихъ производствъ, въ которыхъ особенную роль играютъ Химія и Физика. Естественно въ этой книгѣ нельзя было ожидать новыхъ собственныхъ опытовъ и наблюденій самого автора: она представляетъ только собранные во едино результаты многолѣтнихъ опытовъ при производствѣ разныхъ отраслей фабричной промышлености. Но образъ, какимъ Г. Ильенковъ исполнилъ это, заслуживаетъ полное признаніе: мы находимъ въ его книгѣ не только точное описаніе механическаго производства разныхъ частей Технологіи, поясненное многочисленными чертежами и политипажами такъ, что и несвѣдущій въ этомъ дѣлѣ получаетъ ясное объ немъ понятіе, но и, что всего главнѣе, самые химическіе процессы изложены яснымъ и соотвѣтственнымъ состоянію науки образомъ. Хотя описательная часть, какъ въ томъ сознается самъ авторъ въ предисловіи, и заимствована по большей части изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, однакоже объяснительная и критическая части книги обработаны имъ самостоятельно и онъ при этомъ приложилъ особенное стараніе во всѣхъ операціяхъ указывать на раціональную причину и цѣль ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать, въ какой мѣрѣ пред-

полагаемая цѣль достигается обычнымъ способомъ производства. И именно въ этомъ то отношеніи книга Г-на Ильенкова можетъ принести большую пользу, доставляя фабриканту возможно полное поясненіе на счетъ умозрительныхъ основаній его занятія и дѣлая его тѣмъ самымъ способнымъ къ дальнѣйшему преуспѣянію на этомъ раціональномъ пути.

Чтобы дать понятіе объ изобиліи содержанія этой книги, мы вкратцѣ укажемъ здѣсь на главнѣйшія статьи, входящія въ составъ ея. Въ первой главѣ: *о горѣніи, какъ источникѣ теплоты и о разныхъ родахъ топлива* и во второй *объ освѣщеніи* на 184 страницахъ разобраны съ химической и физической точекъ зрѣнія, въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ всѣ главнѣйше употребляемые образы топленія и освѣщенія, со всѣми, сюда входящими, издѣліями промышленности. Три слѣдующія главы посвящены тремъ главнѣйшимъ кислотамъ, *сѣрной*, *селитряной* и *хлороводородной*, а вмѣстѣ съ тѣмъ полному обзору служащихъ для ихъ добыванія веществъ. За тѣмъ слѣдуетъ глава: о *щелочахъ*, гдѣ кромѣ *соды*, *поташа* и *аммоніака* нашла себѣ мѣсто также *известь*. Къ этому естественно примыкаетъ 7-ая глава: *о приготовленіи стекла* и 8-ая: о тѣхъ продуктахъ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ *глинѣ, о фарфорѣ, фаянсѣ*, со всѣми его разностями и *о квасцахъ*. Послѣ короткой главы, посвященной *хромокислому кали,* слѣдуетъ въ 10-ой главѣ на 200 страницахъ изложеніе *металловъ*, а въ 11-ой: *добываніе металлическихъ солей* и наконецъ 12-ой: *о примѣненіи гальваническаго тока къ осажденію металловъ изъ ихъ растворовъ*, оканчивается неорганическая часть Химіи. Въ слѣдующихъ за тѣмъ разсужденіяхъ изъ области органической Химіи мы прежде всего встрѣчаемъ играющія въ жизни растеній и животныхъ главнѣйшую роль вещества *азотистыя* и *безазотныя*, которыя здѣсь изложены со всѣми ихъ свойствами и превращеніями. Къ этому присоединяется глава объ употребленіи въ дѣло *растительныхъ волоконъ* и обо всемъ, сюда относящемся, какъ то: *о предохраненіи дерева отъ порчи*, *о химической обработкѣ льна*

и конопли, *о бѣленіи растительныхъ волоконъ*, *о приготовленіи бѣлильной извести* и *писчей бумаги;* далѣе слѣдуетъ *добываніе крахмала* и *извлеченіе изъ него декстрина* и *паточнаго сахара*, а потомъ въ пространной главѣ *производства*, *основанныя* на *алкогольномъ броженіи*, какъ то: *приготовленіе пива*, *алькоголя*, *винограднаго вина*, къ которымъ примыкаютъ съ одной стороны *приготовленіе хлѣба* а съ другой *добываніе уксусной кислоты*. Въ слѣдъ за тѣмъ разсматривается, во всѣхъ ея частяхъ, важная отрасль *фабрикаціи сахара* и *употребленіе въ промышленности костей животныхъ*, а именно: *приготовленіе костянаго угля*, *клея* и *желатины*, а въ трехъ послѣднихъ главахъ (20, 21 и 22) этой обильной по своему содержанію книги: *выдѣлка кожъ*, *фабрикація мыла и окрашиваніе тканей*.

Признавая сочиненіе Г-на Ильенкова истиннымъ обогащеніемъ Русской литературы, мы дозволяемъ себѣ покорнѣйше представить его къ удостоенію Демидовскою наградою и только потому, что оно не вполнѣ основано на самостоятельномъ изслѣдованіи, предлагаемъ выдать автору его, половинную премію.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на КУДРЯВЦЕВА

подъ заглавіемъ:

СУДЬБЫ ИТАЛІИ

отъ

ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ, ДО ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ЕЯ КАРЛОМЪ ВЕЛИКИМЪ.

Москва 1851. 8°,

составленный

Г-мъ Профессоромъ Лоренцомъ.

Предлежащее сочиненіе есть отрадное явленіе въ области Русской литературы. Вкупѣ съ нѣкоторыми другими произведеніями современной эпохи оно служитъ доказательствомъ, что изученіе историческихъ наукъ въ Россіи расширилось и, выходя изъ прежняго ограниченія однимъ только отечественнымъ, начинаетъ распространяться также на другія страны и состояніе ихъ образованности. Кто могъ бы отрицать, что этимъ положено начало большому преуспѣянію въ сферѣ науки? Если справедливо то, что каждый народъ иначе смотритъ на исторію другихъ націй, судя по той точкѣ, на которую поставилъ его ходъ собственной его образованности, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ имѣетъ также неотъемлемую потребность и право руководствоваться при обработкѣ ея свойственными ему религіозными и политическими началами. Сколь неполно историческое его образованіе, пока онъ смотритъ на развитіе чужихъ народовъ только въ томъ свѣтѣ, какимъ они облеклись сами! Итакъ въ усиліяхъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ предлежащій трудъ, заключается вопервыхъ та выгода, что они выводятъ народъ изъ зависимости отъ чужаго взгляда и образа сужденія. Но это есть одна только выгода. Нельзя заниматься исторіею другихъ націй, не вникая въ тоже время и во весь тотъ міръ идей, въ которомъ они жили и дѣйствовали. Кто въ бытописаніи чужаго народа ищетъ чего нибудь бóльшаго, нежели однихъ именъ и годовъ, тотъ долженъ принять на себя

трудъ, ознакомиться и съ тѣмъ, что именно придало народу историческое его значеніе: онъ долженъ послѣдовать за нимъ въ тѣ самыя области, которыя были поприщемъ его дѣятельности и славы. У одного народа онъ долженъ принести съ собою воспріимчивость къ искусству и наукѣ, если хочетъ уразумѣть его сущность, у другаго воспріимчивость къ праву и законности, у третьяго къ торговлѣ и промышленности и т. д. А посему распространеніе самостоятельнаго историческаго ученія на другія націи приноситъ еще ту вторую выгоду, что оно, служа къ расширенію круга зрѣнія самого народа, доставляетъ ему множество новыхъ стихій образованности. Изученіе, сопровождаемое такими выгодами, или по крайней мѣрѣ обѣщающее ихъ впередъ, заслуживаетъ по моему мнѣнію признаніе и поощреніе, особенно, если оно было предпринято съ такимъ рѣшительнымъ дарованіемъ, какъ мы то видимъ у автора сказанной книги. Г. Кудрявцевъ предположилъ себѣ для обработки весьма занимательную задачу: исторію возникновенія новой Италіи изъ смѣшенія старыхъ и новыхъ стихій, какое именно произошло въ этой странѣ въ промежутокъ времени между распаденіемъ Западно-Римской имперіи и возстановленіемъ Римской имперіи Карломъ Великимъ. Мало такихъ странъ, которыя могли бы похвалиться такою богатою историческою литературою, какъ Италія: тамъ нѣтъ ни одного города, который не имѣлъ бы своего собственнаго историка, ни одного учрежденія, которое не было бы основательнѣйше обработано въ многочисленныхъ монографіяхъ, ни одного спорнаго вопроса, о которомъ не были бы собраны цѣлые томы диссертацій. Изъ этихъ то сокровищъ авторъ вышеречённой книги имѣлъ въ своемъ распоряженіи только немного, но онъ впрочемъ и не вовсе чуждался ихъ, потому что изъ сочиненій Лео и Гегеля могъ ознакомиться съ результатами Италіянскихъ разъисканій, которыхъ Королевская Библіотека въ Берлинѣ представила этимъ ученымъ при разработкѣ ихъ трудовъ богатую коллекцію. Конечно авторъ объ иномъ предметѣ возъ-

имѣлъ бы другое мнѣніе, если бы ему дозволено было пользоваться самими подлинниками. Такъ онъ напримѣръ едва ли сказалъ бы о Джіанноне, еслибы могъ прочесть его: «изъ литературныхъ пособій мнѣ особенно чувствителенъ былъ недостатокъ книги Джіанноне: Storia civile del regno di Napoli, сочиненія стараго, которое впрочемъ до сего времени не потеряло своихъ достоинствъ», — потому что прежнее изученіе этого писателя оставило во мнѣ тоже самое впечатлѣніе, какое выразилъ и Шпиттлеръ въ своемъ объ немъ отзывѣ, а именно: что Storia civile del regno di Napoli есть сочиненіе, имѣющее бо́льшую славу, нежели достоинство, ибо автору его недоставало какъ критическаго дара, такъ и историческаго искусства.

Что же касается до прямыхъ источниковъ своего предмета, то Г. Кудрявцевъ тщательно изучалъ ихъ, а въ особенности между прочимъ для исторіи Папства, обработанной имъ весьма подробно съ справедливымъ сознаніемъ своей задачи, воспользовался Анастасіемъ, съ такою же основательностію, какъ и полнотою. Въ этомъ отношеніи мы не спохватимся въ его обработкѣ ничего, что только можно требовать отъ добросовѣстнаго историка; и даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя согласиться съ мнѣніями автора, надобно покрайней мѣрѣ воздать справедливость его дару соображенія и признать то, что утверждаемое имъ основано на тщательномъ изученіи и подтверждено довлѣющими доводами. — Впрочемъ преимущества эти не должны ослѣпить насъ и на счетъ недостатковъ, которыхъ не избѣгла эта книга и которые изобличаютъ руку еще неопытнаго начинателя. Я слегка коснусь здѣсь главныхъ изъ этихъ несовершенствъ. Вопервыхъ меня мало удовлетворило изложеніе Остготскаго господства въ Италіи. Оно не безъ пробѣловъ и не даетъ намъ отвѣта на существенные вопросы. Если въ немъ и достаточно объяснены причины, почему Остготское царство въ Италіи не могло пустить прочныхъ корней и почему монархія Теодериха Великаго при недостойныхъ его преемникахъ подпала сравнительно слабѣйшей власти, то съ другой

стороны авторъ на счетъ блестящаго возстановленія этой монархіи при Тотилѣ хранитъ столь глубокое молчаніе, что едва, да и то только мелькомъ, поминаетъ имя этого знаменитаго царя. Авторъ правда извиняется на счетъ этого молчанія словами (стр. 70): «мы впрочемъ не намѣрены пересказывать всѣхъ по-«дробностей этой великой войны, не потому только, что онѣ, «благодаря обстоятельному изложенію Прокопія, довольно об-«щеизвѣстны, но и потому, что главныя роли здѣсь принадле-«жатъ Готамъ и новымъ Римлянамъ, тогда какъ собственные «Римляне и вообще туземные жители Италіи осуждены до вре-«мени лишь на страдательную роль.» Но эту оговорку тѣмъ менѣе можно принять за дѣйствительное оправданіе, что она даже и не основана на самой истинѣ, потому что безъ содѣйствія туземцевъ ни Велисарію не можно было бы завоевать Италіи, ни Тотилѣ возстановить Готскую монархію; но оба эти событія для таковаго сочиненія, которое носитъ въ заглавіи своемъ Судьбы Италіи слишкомъ важны, чтобы одно изъ нихъ можно было обойти молчаніемъ, не оставивъ въ изложеніи ощутительнаго пробѣла.

Далѣе и расположеніе матеріала оставляетъ желать инаго. Вмѣсто того чтобы главныхъ трехъ факторовъ Италіянской исторіи — Византійское правительство и органъ его въ Италіи, Экзарха, Римскаго Епископа и Лонгобардовъ, — представить въ живомъ взаимномъ ихъ дѣйствіи другъ на друга и связать ихъ соотношенія между собою въ исторіи такъ же, какъ они были связаны и въ самой дѣйствительности, авторъ заставляетъ ихъ появляться отдѣльно, съ тѣмъ чтобы прослѣдить ихъ развитіе у каждаго порознь. Но это самое принуждаетъ его послѣдовательно разсматривать и расторгать то, что по существу связано вмѣстѣ и служитъ одно другому необходимою поддержкою и поясненіемъ; а неизбѣжное слѣдствіе такого образа изложенія есть встрѣча повтореній и не надлежащее распредѣленіе свѣта и тѣней въ картинѣ. При искуснѣйшей группировкѣ книга къ большому своему барышу потеряла бы въ объемѣ, а

за то выиграла бы въ ясности и занимательности. И мы тѣмъ болѣе должны сожалѣть о томъ, что авторъ не съумѣлъ лучше распредѣлить свой матеріалъ, что нельзя отказать ему въ похвалѣ на счетъ разработки его съ рѣдкою вѣрностью и добросовѣстностью. Я не помню, чтобы гдѣ либо встрѣтилъ значительную неточность и единственное отмѣченное мною мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ: «Павелъ Діаконъ, хотя для него, оче«видно, источникомъ служитъ тотъ же Анастасій, употребляетъ «болѣе близкое къ дѣлу выраженіе», — это мѣсто, кажется, можно болѣе обвинить въ неловкости выраженія, нежели въ неточности: потому что автору, столь хорошо знакомому съ Анастасіемъ, не могло быть безъизвѣстно, что этотъ писатель жилъ и писалъ позже Павла Діакона, и онъ безъ всякаго сомнѣнія хотѣлъ только сказать, что историкъ Лонгобардовъ черпалъ изъ того же самаго источника, какъ и біографъ Папъ.

Во всякомъ случаѣ работа Г-на Кудрявцева должна быть причислена къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя, возникши изъ любви и призванія къ наукѣ, приносятъ ей честь и пользу. Такія то сочиненія преимущественно и имѣлъ въ виду учредитель Демидовскихъ наградъ, когда въ поощреніе ихъ виновниковъ назначилъ для нихъ возмездіе, и мнѣ кажется, что Императорская Академія Наукъ совершенно поступитъ въ смыслѣ учрежденія, если при нынѣшней раздачѣ Демидовскихъ наградъ увѣнчаетъ книгу Г-на Кудрявцева, хотя бы то было только половинною преміею.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

ИНСПЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ АРХИВОВЪ, СОСТОЯЩИХЪ ПРИ МОСКОВСКИХЪ ДЕПАРТАМЕНТАХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

П. И. ИВАНОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ОПИСАНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО АРХИВА СТАРЫХЪ ДѢЛЪ.

Москва 1850 г. 8°,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Г. Академикомъ **Устряловымъ.**

Инспекторъ Государственныхъ архивовъ, состоящихъ при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената, П. И. Ивановъ въ продолженіе 15 лѣтъ постоянно обогащаетъ отечественную Исторію неутомимыми изысканіями, имѣющими главною цѣлью раскрыть для ученыхъ изслѣдователей историческія сокровища въ подвѣдомственныхъ ему архивахъ. Первымъ трудомъ его было «Систематическое обозрѣніе помѣст-«ныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ «(Москва 1836).» Здѣсь онъ опредѣлилъ всѣ основанія и условія помѣстнаго владѣнія, приложилъ для поясненія множество старинныхъ документовъ, между прочимъ жалованную Царя Михаила Θеодоровича грамоту князю Д. М. Пожарскому, и составилъ вѣдомости для удобнѣйшаго пріисканія актовъ въ Архивѣ вотчинныхъ и помѣстныхъ дѣлъ. Послѣ того издалъ въ свѣтъ первое систематическое «Обозрѣніе писцовыхъ книгъ «по Московской губерніи (1840), по Новгороду и Пскову (1841), «съ планомъ древняго межеванія.» Между тѣмъ въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, въ двухъ книгахъ (1838 и 1842) напечаталъ подлинныя «Дѣла по мѣстничеству,» пролившія новый свѣтъ на это многосложное и запутанное обыкновеніе родословныхъ людей считаться службою предковъ. Въ 1842 году напечаталъ «Описаніе Государственнаго разряднаго ар-«хива,» съ приложеніемъ многихъ документовъ, весьма важныхъ по содержанію: тамъ, напримѣръ, находимъ офиціальную

7

роспись военныхъ силъ Россіи въ 1681 году, съ показаніемъ, на какіе разряды или дивизіи раздѣлялась Царская армія, изъ какихъ полковъ она состояла, сколько людей было въ каждомъ полку и кто былъ полковникомъ. Изъ нея мы узнаемъ, что еще до Петра Великаго было въ Русской арміи на службѣ 38 полковъ *солдатскихъ* и 25 *рейтарскихъ*, подъ командою почти исключительно иноземныхъ офицеровъ. Въ томъ же Описаніи разряднаго архива помѣщено 67 документовъ о вступленіи Царя Михаила Θеодоровича на престолъ, служащихъ весьма важнымъ дополненіемъ къ актамъ, напечатаннымъ въ Румянцовскомъ Сабраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ. Кромѣ того, Г. Ивановъ издалъ «Сборникъ палеографическихъ снимковъ «разныхъ періодовъ (1844),» «Путеводитель по Государственнымъ архивамъ (1845)» и «Опытъ Историческаго изслѣдованія «о межеваніи земель въ Россіи (1846).» Всѣ труды его отличаются строгою отчетливостію, основательностію изслѣдованій и глубокимъ знаніемъ стариннаго устройства Россіи, почерпнутымъ изъ самаго вѣрнаго источника, изъ необъятной массы документовъ.

Изданіемъ представленнаго нынѣ къ Демидовскому конкурсу *Описанія Государственнаго архива старыхъ дѣлъ*, (Москва 1850) заключается обозрѣніе Московскихъ архивовъ, находящихся въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи. Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ объясняетъ, изъ какихъ Приказовъ, Коллегій, Конторъ, Комитетовъ, Экспедицій и разныхъ временныхъ Комиссій, числомъ вообще до 50, поступали дѣла въ разсматриваемый имъ архивъ, подробно излагаетъ, на основаніи документовъ, исторію каждаго вѣдомства, — время и причины учрежденія, составъ, кругъ дѣйствія, порядокъ дѣлопроизводства, наконецъ время упраздненія и количество переданныхъ дѣлъ; причемъ сообщаетъ изъ самыхъ дѣлъ много подробностей, въ высшей степени любопытныхъ, о Патріаршихъ приказахъ, о Коллегіи Экономіи и проч. Такъ онъ впервые объяснилъ съ удовлетворительною полнотою обширное вѣдом-

ство по управленію дѣлами Церкви, извѣстное подъ общимъ, неопредѣлительнымъ названіемъ Патріаршаго приказа. Изъ свѣдѣній, собранныхъ о Коллегіи Экономіи оказывается между прочимъ, что при дѣлахъ ея хранится, кромѣ другихъ документовъ болѣе *15,000 подлинныхъ грамотъ и выписей*, отобранныхъ отъ духовнаго вѣдомства при поступленіи монастырскихъ имуществъ въ управленіе Коллегіи Экономіи. Въ числѣ ихъ находится дарственная грамота Рязанскаго князя Олега на пергаментѣ 1380 года, нѣсколько другихъ грамотъ конца XIV столѣтія, много жалованныхъ грамотъ первой половины XV вѣка и еще болѣе времени Іоанна III и Іоанна IV. — Во второй части, въ Приложеніяхъ, помѣщено много любопытныхъ актовъ юридическихъ и историческихъ, въ числѣ послѣднихъ особенно замѣчательна «Вѣдомость: сколько по переписнымъ книгамъ 1700 «года состояло за монастырями и вообще духовнымъ вѣдом«ствомъ крестьянскихъ дворовъ.» (Самое большое число было за Троицко-Сергіевскимъ монастыремъ, именно 20,394 двора). Въ заключеніе къ описанію приложены очень исправные снимки съ 25 старинныхъ грамотъ и юридическихъ актовъ, съ конца XV до начала XVII вѣка.

Изъ вышесказаннаго Коммиссія безъ сомнѣнія убѣдится, какъ важны труды Г. Иванова для отечественной исторіи, и присужденіе ему Демидовской награды конечно будетъ тѣмъ болѣе справедливымъ признаніемъ его заслугъ, что почтенный авторъ въ продолженіе 15 лѣтъ трудился для пользы отечественной Исторіи съ безкорыстной любовію къ своему дѣлу, безъ всякихъ видовъ на прибыльный сбытъ своихъ изданій, при ограниченномъ кругѣ читателей, единственно изъ усердія къ успѣху основательныхъ историческихъ изслѣдованій.

РАЗБОРЪ

сочиненія

МИРЗЫ А. КАЗЕМБЕГА

подъ заглавіемъ:

DERBEND NÂMEH,

OR

THE HISTORY OF DERBEND,

TRANSLATED FROM A SELECT TURKISH VERSION AND PUBLISHED WITH THE TEXTS AND WITH NOTES, ILLUSTRATIVE OF THE HISTORY, GEOGRAPHY, ANTIQUITIES ETC. BY MIRZA A. KAZEMBEG. ST. PETERSBOURG (MÉMOIRES DES SAVANS ÉTRANGERS T. VI).

составленный

Г-мъ Ординарнымъ Академикомъ

Дорномъ.

Нынѣ принадлежащій къ Россійской Имперіи городъ Дербентъ въ Дагестанѣ издревле пользовался въ исторіи Азіи особенною знаменитостью. Уже при Сассанидахъ онъ пріобрѣлъ историческое свое значеніе. Чтобы положить конецъ безпрестаннымъ вторженіямъ въ то время могущественныхъ Хазаровъ въ свои владѣнія, вторженіямъ, которыя они обыкновенно предпринимали черезъ Дербентъ или изъ Дербента, Цари Сассанидскіе покорили этотъ городъ и обратили его въ оплотъ своего царства съ этой стороны. Исторія повѣствуетъ, что Сассанидъ Кобадъ построилъ большую стѣну Дербентскую, которой и по сію пору остаются нѣкоторые слѣды. Онъ воздвигъ ее противъ Хакана Хазарскаго, которому въ то время по показаніямъ Мугаммеданскихъ историковъ были подвластны Россія, Москва, Казань, Крымъ и пр. (см. Дербентнаме стр. 3). Другіе приписываютъ сооруженіе стѣны великому Нуширвану, сыну Кобадову, еще иные стараются согласить между собою эти разногласныя мнѣнія тѣмъ, что они считаютъ Кобада распорядителемъ, а Нуширвана исполнителемъ этой постройки, между тѣмъ какъ согласно съ другими преданіями Искендеръ Сулкарнейнъ, т. е. вѣроятно Александръ Великій былъ тотъ, который впервые построилъ эту знаменитую стѣну. Не входя здѣсь въ ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса, на счетъ котораго можно найти въ примѣчаніяхъ къ предлежащему сочиненію обильныя и достаточныя свѣдѣнія и справки, я замѣчу только, что Дербентъ и

по ниспроверженіи Хазарскаго владычества Арабами сохранилъ свою важность по одинаковымъ причинамъ, какъ и прежде. Самъ Мухаммедъ объявилъ, такъ гласитъ преданіе, что если Хазары займутъ Дербентъ, то безъ сомнѣнія овладѣютъ всѣми землями Персіи и Адзербайджана.

И дѣйствительно Арабы считали обладаніе Дербентомъ не менѣе важнымъ, какъ и Хазары; и они также испытали тяжкія борьбы съ этимъ воинственнымъ народомъ, который вопреки всѣмъ усиліямъ и побѣдамъ послѣдователей Мухаммеда все снова появлялся на полѣ брани. Еще во время существованія Калифата династія Ширманшаховъ возвысилась до нѣкотораго могущества, да и самый Дербентъ состоялъ въ ихъ рукахъ, когда ей около 1550 года былъ положенъ конецъ Сефидами. Съ тѣхъ поръ Ширванъ вмѣстѣ съ Дербентомъ, съ короткими только перемежками оставался во власти Персовъ, которые счастливо отразили многократныя нападенія Османскихъ Турокъ, и даже позднѣйшіе Ханы Ширвана и Дербента признавали надъ собою господство Персовъ. Въ продолженіе этого то времени — въ 1722 году, — Петръ Великій распространилъ успѣхи своего оружія за предѣлы Кавказа, и именно занялъ Дербентъ. По удаленіи его правда снова утвердились тамъ Персидскіе Ханы-Намѣстники, но въ 1820 году Ширванъ и Дербентъ были вовсе присоединены къ Россійской Имперіи. Нынѣ они образуютъ собою часть ея и управляются Русскими чиновниками по Русскимъ законамъ.

Въ предлежащемъ сочиненіи, притязающемъ на Демидовскую премію, издана Г. Профессоромъ Казембегомъ прежняя исторія нынѣшнихъ Русскихъ областей Ширвана, Дагестана и Дербента. Съ самимъ сочиненіемъ связаны драгоцѣнныя Русскому сердцу воспоминанія: оно кажется впервые привезено въ Россію великимъ Монархомъ, которому было поднесено въ даръ въ самомъ Дербентѣ. Изданіе его въ свѣтъ было уже давнишнимъ желаніемъ оріенталистовъ и любителей исторіи вообще, потому что при разбросанности и доступности только немногимъ свѣ-

дѣній о древнѣйшей исторіи Ширвана и Дербента хотя короткій сборникъ, подобный предлежащему, былъ живо ощущаемою потребностью. Бейеръ въ своей диссертаціи: *de muro caucasio* (Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae. T. I). кажется впервые пользовался имъ; въ послѣдствіи Клапротъ издалъ на французскомъ языкѣ переводъ одной только части его, но переводъ, преисполненный погрѣшностей и не удовлетворяющій ни оріенталиста, ни вообще любителя исторіи. Еще позднѣе изданіе Дербентнаме въ свѣтъ было предпринято Г. Профессоромъ Сенковскимъ, но осталось недоконченнымъ, если не ошибаюсь, въ слѣдствіе кончины Канцлера Графа Румянцова, удостоившаго этотъ трудъ своимъ покровительствомъ. Тогда я, въ дополненіе къ моему сборнику о странахъ кавказскихъ, (Caucasia) счелъ нужнымъ совершить то, что замедлилось столь долго, т. е. приготовить изданіе Дербенднаме, когда въ 1845 году Г. Профессоръ Казембегъ, бывшій тогда еще въ Казани, прислалъ Академіи свою обработку этого сочиненія и тѣмъ покончилъ дѣло: потому что эта обработка уже въ то время была признана достойною напечатанія, какъ трудъ оріенталиста, имѣвшаго болѣе всякаго другаго къ тому призваніе. Казембегъ природный оріенталъ и совершенно свѣдущъ въ относительныхъ языкахъ: онъ родомъ изъ Гилана и провелъ свою молодость отчасти въ самомъ Дербентѣ, а слѣдовательно ближе всякаго другаго знакомъ съ мѣстностями какъ Дербента, такъ и прилежащихъ странъ. Это обстоятельство именно особенно важно по причинѣ многихъ встрѣчающихся въ Дербентнаме географическихъ и топографическихъ именъ, какъ то и дѣйствительно оказывается довольно часто изъ приданныхъ авторомъ къ тексту примѣчаній. А посему, когда Г. Казембегъ, по перемѣщеніи своемъ въ С. Петербургъ, просилъ объ отпечатаніи его сочиненія въ Запискахъ Академіи, я ни мало не усомнился, поощренный къ тому еще покойнымъ Френомъ, предложить его просьбу Академіи съ одобрительнымъ съ моей стороны отзывомъ. Съ тѣхъ поръ сочиненіе появилось въ Мемуарахъ и съ

честію будетъ занимать тамъ свое мѣсто, какъ то уже высказано было туземными и иностранными рецензентами *), для которыхъ исторія Дербента по легко понятнымъ причинамъ несравненно менѣе привлекательна, чѣмъ для Русскихъ ученыхъ.

Послѣ занимательнаго предисловія слѣдуютъ литературныя справки о самой книгѣ, объ авторѣ ея (см. дополненія стр. 224), о разныхъ ея рецензіяхъ и т. д., а равно показаніе о прочихъ, служившихъ при изданіи ея въ свѣтъ, рукописныхъ пособіяхъ, и все это изложено въ такомъ видѣ, какъ прилично нынѣшнему состоянію науки. Подъ текстомъ помѣщенъ Англійскій его переводъ, за тѣмъ слѣдуетъ Клапротова обработка и множество примѣчаній руки самого издателя. Послѣднія чрезвычайно многосторонни и поучительны, нерѣдко прямо относятся къ Россіи и особенно важны потому, что суть результаты собственной наглядности на самомъ мѣстѣ; сюда я причисляю между прочимъ замѣчанія о *Руссіе* и *Мосгку* (стр. 16, 5); о *Гумри* (стр. 31, 28); о странѣ *Курехъ* (стр. 37, 35); о словѣ *оура* (стр. 47, 8); о гробницѣ, именуемой *Кирхлеръ* (стр. 48, 8); о садахъ *Аваинскихъ* (стр. 75, 9, 2); о деревнѣ *Дервакъ* (стр. 77, 14); объ употребленіи въ Адзербайджанѣ и Дагестанѣ именуемыхъ Арабахъ повозокъ (стр. 86); о главной мечети въ Дербентѣ (стр. 98, 4); о водохранилищѣ ея (стр. 99, 2); о вратахъ ея (стр. 100, 7); о Суварѣ и т. д. (стр. 123, 5); о естественныхъ примѣчательностяхъ города Баку и его окрестности (стр. 143, 2); о сношеніяхъ древнихъ Руссовъ съ жителями Арменіи и Дагестана и о походѣ Святослава въ 965 году противъ Хазаровъ Оссовъ и т. д. (стр. 212, 3); о взымаемой Шамхаломъ съ путешествующихъ пошлинѣ (стр. 216); и т. д. При чемъ издатель не преминулъ, при случаѣ, удачно повѣрить показанія прежнихъ обработывателей на этомъ полѣ, на пр. стр. 174, гдѣ помѣщены въ извѣстіяхъ о Хазарахъ слова آب جهاد конечно справедливо поправлены въ باب جهاد

*) Сличи Сѣверную Пчелу No. 52. 1852. Journal Asiatique No. 85. 1851 стр. 410 — 12; The Literary World, New-York, 1852 No. 263 стр. 122.

Что впрочемъ и въ этомъ сочиненіи попадаются показанія и утвержденія, которыя едва ли найдутъ общее признаніе, это не могло быть иначе при такомъ обиліи, нерѣдко еще въ мракъ облеченнаго матеріала. Такъ напр. замѣчаніе о титулѣ *Хакана* (см. стр. 15, 4), а именно сличеніе его съ Еврейскимъ конечно будетъ принято только не многими. Оба эти наименованія уже по однимъ этимологическимъ причинамъ немогутъ быть сближены между собою. На стр. 177, 55 Yâgkouti вѣроятно только опечатка вмѣсто Yagkout.

Собравъ все вышесказанное во едино, мы можемъ по справедливости утверждать, что Г. Казембегъ даровалъ намъ хорошее ученое изданіе важнаго по части исторіи Кавказа, а именно одной изъ областей Россійской Имперіи Дербентнаме, и сдѣлавъ тѣмъ самымъ всякое дальнѣйшее изданіе этого сочиненія излишнимъ, выполнилъ пробѣлъ въ дошедшихъ до насъ изъ восточныхъ писателей свѣдѣніяхъ объ одной части Закавказской исторіи, заслуга, которою онъ снискалъ себѣ благодарность всѣхъ тѣхъ, которые дорожатъ исторіею Россіи вообще и въ особенности Закавказскихъ ея областей. А какъ Академія доселѣ всегда оказывала благосклонное вниманіе трудамъ Оріенталистовъ, тѣмъ не мало содѣйствуя къ отрадному у насъ процвѣтанію восточныхъ знаній, то я, ссылаясь на No. 11, Ст. VII. (стр. 12) Положенія о Демидовскихъ наградахъ, дозволяю себѣ просить васъ о присужденіи автору какъ въ признаніе уважительнаго его труда, такъ и въ поощреніе ему и другимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ къ подобнымъ ученымъ предпріятіямъ, половины Демидовской преміи.

МНѢНІЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ,

УДОСТОЕННЫХЪ

ПО ДЕМИДОВСКОМУ КОНКУРСУ

1851-го ГОДА

ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Директора II Гимназіи въ Одессѣ, Г. БЕККЕРА

подъ заглавіемъ:

БЕРЕГЪ ПОНТА ЭВКСИНСКАГО

отъ

ИСТРА ДО БОРИСѲЕНА,

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ДРЕВНИМЪ ЕГО КОЛОНІЯМЪ.

Одесса 1851. 4°.

составленный

Г-мъ Академикомъ **Стефани**.

Сообщенная нижеподписавшимся на разсмотрѣніе брошюра Директора второй Гимназіи въ Одессѣ, Г-на Беккера подъ заглавіемъ:

Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисѳена, въ отношеніи къ древнимъ его колоніямъ. Сочиненіе Павла Беккера. Одесса 1851. (61 стр. ин-4° съ картою)

содержитъ въ себѣ исполненное, съ знаніемъ дѣла и тщаніемъ, розысканіе о томъ, какія именно мѣстности соотвѣтствуютъ нѣкоторому числу переданныхъ намъ изъ древности именъ. Брошюра состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый (стр. 14 — 48) посвященъ странѣ между Днѣстромъ и Дунаемъ, а вторый полосѣ земли между Днѣстромъ и Днѣпромъ. Въ первой половинѣ рѣчь идетъ главнѣйше о Неоптолемовой башнѣ и объ островѣ Тирагетовъ; а сверхъ того короче поминается о Montes Macrocremnii, Aepolium, Cremnisci, о солончакахъ между Дунаемъ и Тирасомъ, объ Антифилосѣ, Гарписѣ и объ устьяхъ Дуная; во второй половинѣ авторъ разсматриваетъ мѣстности: Odessus, Σκόπελοι, Ιστριανῶν Λιμὴν, Ισιακῶν Λιμὴν и Physka. Вездѣ видно, что онъ не только тщательно изучалъ древніе источники, но знакомъ также съ самыми мѣстностями по собственной наглядности или изъ достовѣрныхъ сообщеній. Такъ между прочимъ именно недавно отысканный остатокъ древней стѣны служитъ ему главнымъ доказательствомъ вѣрности открытаго имъ изъ соображеній положенія Неоптоле-

мовой башни. Съ осторожностью и умѣньемъ пользуясь этими пособіями, авторъ достигъ до результатовъ, которымъ нельзя не признать той степени вѣроятія, которая вообще доступна изыскателю, доколѣ онъ ограниченъ одними этими данными: потому что, какъ и сознается самъ авторъ, при неточномъ познаніи мѣстностей, столь часто обнаруживающемся у древнихъ писателей и при различномъ толкованіи, какое можно дать ихъ выраженіямъ, нельзя рѣшительно отвергать противуположныя одно другому мнѣнія и вообще добыть полной увѣренности на счетъ справедливости того или другаго изъ нихъ, пока болѣе обширными взрытіями земли и отысканіемъ какой нибудь рѣшительной надписи не будетъ въ точности опредѣленъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ наиболѣе сомнительныхъ пунктовъ.

Если посему нижеподписавшіеся не предлагаютъ этой брошюры къ увѣнчанію преміею, то это только по причинѣ малаго ея объема; но въ пользахъ науки они должны желать, чтобы авторъ почетнымъ отзывомъ былъ поощренъ къ дальнѣйшимъ разработкамъ на этой почти еще вовсе не тронутой у насъ филологами новинѣ знанія.

РАЗБОРЪ

разсужденія

Г. СЕМЕНА ПАХМАНА

подъ заглавіемъ:

О СУДЕБНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ

по

ДРЕВНЕМУ РУССКОМУ ПРАВУ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ГРАЖДАНСКОМУ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИХЪ РАЗВИТІИ.

Москва, 1851. 8°.

составленный

Профессоромъ С. ПБ. Университета

Баршевымъ.

Изслѣдованіе историческаго развитія юридическихъ предметовъ есть трудъ, который въ настоящее время встрѣчаютъ привѣтливо не одни юристы. Въ этомъ заключается, между прочимъ, важное и необходимое условіе успѣховъ Исторіи вообще. Поэтому разсужденіе Г. Пахмана, въ которомъ изложено историческое развитіе судебныхъ доказательствъ по древнему Русскому праву преимущественно гражданскому, составляетъ вообще отрадное явленіе въ нашей литературѣ, въ особенности юридической. Оно состоитъ изъ *введенія* и *двухъ періодовъ.*

Прежде разсмотрѣнія содержанія и достоинства каждой изъ этихъ трехъ частей разсужденія, нужно опредѣлить существо задачи, которую хотѣлъ разрѣшить сочинитель, собственный взглядъ его на нее и отношеніе сочиненія къ ней.

I. Вообще говоря, разсужденіе въ историческомъ развитіи какого бы то ни было юридическаго предмета требуетъ необходимо выполненія двухъ существенныхъ условій. Съ одной стороны оно должно заключать въ себѣ основательное, отчетливое и критическое изложеніе фактической стороны изслѣдываемаго предмета, а съ другой историко-философскій взглядъ на него, т. е изслѣдованіе существа его и тѣхъ главныхъ началъ и причинъ, которыми опредѣлялось органическое развитіе его, и которыми только объясняется истинный смыслъ и значеніе фактовъ. Первое безъ послѣдняго доставляетъ только сухое знаніе фактовъ — познаніе только того, что было и какъ

было; послѣднее безъ перваго есть только что готовая теорія — одно отвлеченное понятіе. Взятыя вмѣстѣ эти два условія удовлетворяютъ двумъ существеннымъ задачамъ исторической любознательности: онѣ приводятъ къ познанію того, что и какъ было, и вмѣстѣ того, почему это такъ, а не иначе, было. Этими двумя путями узнается и внѣшняя, лицевая сторона предмета, и его внутренній организмъ и настоящее существо и значеніе въ главные моменты историческаго развитія его. —

Г. Пахманъ сознаетъ необходимость того и другаго воззрѣнія на историческое развитіе судебныхъ доказательствъ подревнему Русскому праву, но ограничиваетъ свое разсужденіе преимущественно фактическою разработкою предмета. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (стр. 5): «для того, чтобы представить историческое образованіе и развитіе «какого либо юридическаго учрежденія, необходимо открыть «главныя начала, изъ которыхъ вытекли важнѣйшіе моменты «или ступени органическаго развитія его, и которыя бы объясняли «истинное значеніе и смыслъ явленій, выражающихъ это раз«витіе. Понимая вполнѣ, что открытіе такихъ началъ, усло«вливаемое историко-философскимъ воззрѣніемъ, представляется «весьма труднымъ по отношенію ко всякому предмету, а тѣмъ «болѣе по отношенію къ предмету столь многосложному, какъ «исторія судебныхъ доказательствъ, находящаяся въ тѣсной «связи со многими другими историческими явленіями въ области «права, мы отклоняемъ отъ себя выполненіе столь обширной «задачи; въ настоящемъ же разсужденіи, хотя и рѣшились вы«ставить нѣкоторыя начала или причины, которыми условли«валось, или могло условливаться историческое развитіе судеб«ныхъ доказательствъ, но преимущественно имѣли въ виду «фактическую разработку предмета.»

II. Въ краткомъ *введеніи* (стр. 1 — 4) авторъ показываетъ необходимость раздѣлить исторію избраннаго имъ предмета на періоды, основанія дѣленія, самые періоды — 1-й до начала XV вѣка и 2-й отъ начала XV вѣка до половины XVII и отличи-

тельный характеръ системы судебныхъ доказательствъ въ томъ и другомъ періодѣ.

Мысли, изложенныя въ этомъ введеніи, повторяются и изъясняются болѣе пространнымъ образомъ въ исторіи перваго періода; поэтому судъ о нихъ будетъ данъ ниже. Здѣсь нельзя не указать на нѣкоторую сбивчивость и противорѣчія въ понятіяхъ автора:

На стр. 1-й онъ говоритъ: «обращаясь къ предмету настоя-«щаго разсужденія, мы замѣчаемъ, что *весьма трудно уловить* «*главныя* движущія *начала*, которыми опредѣлялось и условлива-«лось историческое развитіе судебныхъ доказательствъ у насъ «до половины XVII вѣка, и съ тѣмъ вмѣстѣ *трудно обозначить* «важнѣйшіе *моменты или эпохи этого развитія.*» На слѣдующей же 2-й стр. судитъ объ этомъ такъ: «Въ самомъ дѣлѣ, *при-«знаки одного періода довольно рѣзко могутъ быть различены отъ «признаковъ другаго,* сколько мы могли заключить изъ содержанія «дошедшихъ до насъ юридическихъ памятниковъ.» —

На стр. 3-й и 4-й сказано: отъискивая причины явленій или признаковъ, послужившихъ для насъ основаніемъ разграниченія двухъ періодовъ, *мы нашли*, что онѣ большею частію, скрываются въ сущности и постепенномъ развитіи туземнаго быта, а разсматривая явленія этого быта, мы *невольно встрѣтились и т. д.* Читатель ненаходитъ вовсе у сочинителя доказательствъ этихъ выводовъ: *мы нашли*, *невольно встрѣтились, замѣтили.* Сочинитель намѣкаетъ, конечно, на то, что имъ говорено на стр. 2-й въ началѣ; но изъ сказаннаго здѣсь видно только, что онъ принялъ на вѣру какую-то чужую теорію. —

По мнѣнію сочинителя (стр. 4) *первый* принимаемый имъ періодъ, — до XV вѣка — отличается *преобладаніемъ* быта *родоваго* и находящагося съ нимъ въ органической связи быта *общиннаго*, а второй *преобладаніемъ* начала *государственнаго.* Потомъ на 14 стр. авторъ говоритъ, что родовой бытъ сталъ скоро *ослабѣвать* и еще предъ пришествіемъ Варяговъ уступилъ свое мѣсто *общинному*. Далѣе на стр. 139 читаемъ: «За общую «основу всѣхъ юридическихъ явленій разсмотрѣннаго нами пе-

«ріода мы приняли бытъ *общинно родовой*. Но уже выше было «замѣчено, что этотъ бытъ весьма рано началъ разлагаться и «*ослабѣвать* въ пользу новаго, высшаго порядка вещей. Первыя «начала гражданственности принесены были уже къ намъ *Ва*«*рягами*. . . . . Эти мѣры (Варяжскихъ Князей) способствовали «къ введенію въ бытъ нашихъ предковъ новаго элемента *госу*«*дарственнаго*.» Также на стр. 150 говорится, что распаденіе древняго общиннаго быта началось еще со времени пришествія Варяговъ. Слѣдовательно первая система судебныхъ доказательствъ, основанная на преобладающемъ общиннородовомъ бытѣ, была господствующею только до Варяговъ. Почемуже, спрашивается, авторъ первый періодъ, къ которому онъ относитъ эту систему, ведетъ до XV вѣка, тогда какъ начала общиннородоваго быта съ Рюрика не были уже преобладающими, а болѣе и болѣе ослабѣвающими. —

III. Обращаясь къ исторіи *перваго* періода — до XV в. — находимъ въ ней *три* отдѣленія. *Въ 1-мъ* Г. Пахманъ предлагаетъ взглядъ на образованіе и развитіе системы судебныхъ доказательствъ вообще; *во 2-мъ* обзоръ судебныхъ доказательствъ порознь; а въ 3-мъ обзоръ ихъ въ взаимномъ отношеніи. Дѣленіе это основано на главныхъ сторонахъ, въ которыхъ слѣдуетъ разсматривать избранный предметъ. Разсмотримъ, каково содержаніе этихъ главныхъ отдѣловъ.

А., Содержаніе *перваго отдѣленія* составляютъ большею частію предположенія и общія теоретическія понятія, невыведенныя изъ историческихъ фактовъ или не доказанныя ими. Оно выражено авторомъ главнымъ образомъ въ первыхъ трехъ положеніяхъ, приложенныхъ имъ къ разсужденію.

Въ первомъ положеніи сказано, что образованіе и развитіе древней Русской системы судебныхъ доказательствъ условливалось преимущественно туземными началами, опредѣлявшими жизнь нашихъ предковъ — именно *родовымъ* и *общиннымъ* бытомъ ихъ. —

Что касается *вообще* до этого родоваго, общиннаго и противоположнаго имъ государственнаго быта, то 1) изъ словъ автора (стр. 2) видно, что ученіе это есть у него чужая теорія, заимствованная у другихъ, которой онъ вѣритъ и не вѣритъ; 2) родовой и общинный бытъ находятся въ органической связи между собою (стр. 4), второй есть только продолженіе или дальнѣйшее развитіе перваго (стр. 24); между тѣмъ явленія, ими производимыя, совершенно противоположны; по автору они суть даже враждебные другъ другу элементы. Что творитъ одинъ, то разрушаетъ въ свою очередь другой; ср. стр. 13 съ 18 ~~78.~~ Впрочемъ, гдѣ нужно автору тамъ дѣйствія того и другаго быта одинаковы стр. 24.

Въ частности все вліяніе *перваго* туземнаго начала или *родоваго* быта на образованіе системы судебныхъ доказательствъ Г. Пахманъ сосредоточиваетъ и выражаетъ въ томъ выводѣ, что во время этого быта судебныхъ доказательствъ *быть не могло*, что объ нихъ *не могло быть даже и помину*, стр. 13, что всякой *истецъ* пользавался тогда *полнымъ довѣріемъ* и всякой *искъ* и показаніе признавались *несомнѣнно вѣрными*. Слѣдовательно наша древняя система судебныхъ доказательствъ ничѣмъ неодолжена этому родовому быту! —

Вліяніе *втораго* туземнаго начала или *общиннаго* быта на образованіе системы судебныхъ доказательствъ высказано въ слѣд. словахъ (стр. 18): «Нѣтъ сомнѣнія, что съ постепеннымъ ослабленіемъ *родственнаго союза* должна была поколебаться и ослабѣть одна изъ важнѣйшихъ основъ *кровнаго*, *родоваго* быта — взаимное довѣріе. (Я подчеркнулъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ выраженій намѣренно для того, чтобы дать почувствовать, что авторъ смѣшиваетъ союзъ *кровный родственный* съ *родовымъ* бытомъ. При этомъ кстати замѣтимъ, что взаимное, безусловное довѣріе сродно родственному союзу, а не родовому быту). Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ систему суда и расправы долженъ былъ проникнуть духъ недовѣрчивости, тѣмъ болѣе, что домашняя расправа отца семейства или домоначаль-

ника стала мало по малу терять исключительное примѣненіе въ рѣшеніи дѣлъ спорныхъ. *Изъ недовѣрчивости должна была возникнуть мысль о возможности несправедливаго иска или обвиненія* и найти *подтвержденіе* себя въ дѣйствительности и т. д. Однимъ словомъ общинный бытъ, по мнѣнію автора, заставилъ членовъ его придумать извѣстныя судебныя доказательства потому, что породилъ взаимную недовѣрчивость, а недовѣрчивость возбудила мысль о возможности несправедливаго иска; дѣйствительность только подтвердила эту мысль. Кажется, что на дѣлѣ бываетъ на оборотъ, въ особенности у людей простыхъ, каковы всѣ члены общиннаго быта; они тогда начинаютъ не вѣрить голословному показанію кого либо, когда испытываютъ дѣйствительно его невѣрность и недобросовѣстность. — Сверхъ этого общаго замѣчанія относительно взгляда Г. Пахмана на вліяніе общиннаго быта на образованіе древней системы судебныхъ доказательствъ, слѣдуетъ еще замѣтить: 1) то, что теорія общиннаго быта довела его до того заключенія, будтобы самоуправство и частная месть образовались въ особенности во время этого быта и раскрылись теперь въ столь обширныхъ размѣрахъ, что признаны были закономъ стр. 18; какъ будтобы извѣстныя статьи договоровъ съ Греками и Русской Правды имѣли цѣлію признаніе мести со стороны закона, а не ограниченіе ея! 2) привязанность сочинителя къ общинному быту заставила его дѣлать разныя догадки, чтобы доказать общинное происхожденіе т. н. *повальнаго обыска*. Сколь мало убѣжденъ въ этомъ самъ онъ, то видно изъ того, что въ послѣдствіи, при отдѣльномъ разсмотрѣніи судебныхъ доказательствъ перваго періода, почти вовсе неупоминаетъ о повальномъ обыскѣ.

Второе положеніе, въ которомъ Г. Пахманъ выражаетъ свой общій взглядъ на систему судебныхъ доказательствъ перваго періода, опредѣляетъ отношеніе къ этой системѣ Германскаго и Византійскаго элемента. Вліяніе *Германскаго* элемента на нее признаетъ онъ вообще незначительнымъ, вопреки обыкновенному мнѣнію, Излишняя привязанность большей части

изслѣдователей нашей старины къ этому элементу придаетъ еще болѣе цѣны выводамъ автора; впрочемъ онъ измѣняетъ по мѣстамъ самъ себѣ, и недостатокъ историческихъ доказательствъ на многія изъ своихъ предположеній старается дополнить заимствованіемъ изъ источниковъ Германскаго права. Напр. стр. 71, 76, 77, 78, 79, 80, 131. — Вліяніе *Византійскаго элемента* на развитіе древней нашей системы доказательствъ Г. Пахманъ признаетъ болѣе значительнымъ и долговременнымъ; но положеніе это подтверждается одними только общими выводами и ссылкою по мѣстамъ на одинъ только памятникъ, т. н. *Законъ судный людемъ.*

Третье положеніе, (которому по порядку, принятому въ сочиненіи, слѣдовало бы быть вторымъ), выражаетъ мысль сочинителя, что древнѣйшая система судебныхъ доказательствъ обнаруживаетъ *господство* суевѣрія и грубыхъ заблужденій. Сочинителя нельзя бы было винить на этотъ разъ въ какой либо ошибкѣ, ежели бы онъ въ этой системѣ видѣлъ одни только *слѣды*, а не *господство* суевѣрія и грубыхъ заблужденій. У насъ суды Божіи или ордаліи вовсе неиграли такой роли и не состояли подъ господствомъ такого суевѣрія, какъ въ Германіи.

B. *Второе отдѣленіе* въ исторіи перваго періода содержитъ въ себѣ *обзоръ судебныхъ доказательствъ порознь.* Г. Пахманъ излагаетъ здѣсь исторію собственнаго признанія, признаковъ нарушенія правъ, показаній свидѣтелей и судовъ Божіихъ, какъ то: испытанія желѣзомъ и водою, присяги, судебнаго поединка и жребія.

C. *Въ третьемъ отдѣленіи* находимъ *обзоръ судебныхъ доказательствъ во взаимномъ ихъ отношеніи.* Сочинитель съ замѣчательнымъ остроуміемъ и тонкимъ соображеніемъ опредѣляетъ значеніе каждаго изъ разсмотрѣнныхъ выше доказательствъ въ ряду другихъ и взаимное отношеніе ихъ по различію предметовъ иска.

Два эти отдѣленія составляютъ лучшую часть въ цѣломъ разсужденіи. Изслѣдованія, которыя находимъ въ нихъ, об-

наруживаютъ въ сочинителѣ основательное изученіе памятниковъ, полное знакомство съ изслѣдованіями другихъ, здравый критическій смыслъ, искуство изъ частныхъ, несвязныхъ указаній созидать стройное цѣлое. Въ нихъ имѣемъ мы отчетливое и подробное изложеніе и разработку историческаго матеріала, надъ которымъ трудился сочинитель.

Къ незначительнымъ недостаткамъ этихъ частей разсужденія относятся: 1) нѣкоторыя предположенія автора, неподтвержденныя фактами, напр. стр. 50 о вѣроятномъ заимствованіи у Германцевъ требованія свободнаго происхожденія свидѣтелей; стр. 70 о замѣнѣ ордалій судебными поединкаим; см. также стр. 71, 72, 97; — 2) Разсужденія и выводы, для которыхъ самъ авторъ ненаходитъ никакого матеріала въ юридическихъ памятникахъ, напр. о порядкѣ представленія и вызова свидѣтелей, о послѣдствіяхъ неявки ихъ (стр. 62) и о порядкѣ допроса ихъ стр. 65. 3) Ошибочныя мнѣнія: таковы напр. объясненіе статьи Русской Правды объ испытаніи истца стр. 75, причисленіе присяги къ судамъ Божіимъ или ордаліямъ стр. 36, 81, 89, ср. ст. 125 и 130. 4) Противорѣчіе своимъ мнѣніямъ, напр. ср. сказанное о присягѣ свидѣтелей на стр. 63 съ 75, о безусловной и условной силѣ ихъ показаній стр. 47 и 75, о происхожденіи у насъ судебнаго поединка стр. 110 и 114, о присягѣ 24, 36, 81, 89 и 125—130 стр. 5) Общіе, длинные взгляды на нѣкоторые предметы, въ которыхъ нѣтъ нужды, напр. разсужденіе о религіозномъ значеніи присяги стр. 82 — 86. 6) Пространное, ненужное для предмета разсужденія, изображеніе нѣкоторыхъ судебныхъ доказательствъ и состоянія ихъ у Германцевъ, напр. стр. 67, 70, 71, 76 — 80, 86, 106, 109, 119.

IV. *Въ исторіи втораго періода* Г. Пахманъ слѣдитъ за развитіемъ нашей системы судебныхъ доказательствъ отъ начала XV до половины XVII вѣка. Здѣсь онъ предлагаетъ напередъ нѣкоторыя общія замѣчанія, относительно историческаго развитія ихъ въ это время и потомъ дѣлаетъ краткій очеркъ ихъ порознь. —

Чего должно ожидать отъ изслѣдованій сочинителя въ этомъ второмъ періодѣ, то предъявилъ самъ онъ, въ началѣ разсужденія, въ слѣдующихъ словахъ стр. 4: «Что касается «до втораго періода, то мы ограничились болѣе краткимъ очер«комъ измѣненій, происшедшихъ въ системѣ судебныхъ доказа«тельствъ, частію потому, что этотъ періодъ довольно подробно «разсмотрѣнъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи древняго «нашего судопроизводства вообще, а болѣе для того, чтобы не «разширить обычныхъ рамъ академическаго разсужденія.» Въ самомъ дѣлѣ краткость и сжатость суть главныя черты всѣхъ изслѣдованій автора во второмъ періодѣ, а изслѣдованія другихъ путеводители его въ этомъ дѣлѣ.

Въ своихъ *общихъ замѣчаніяхъ* онъ 1) обозначаетъ главныя характеристическія *черты* развитія судебныхъ доказательствъ во второмъ періодѣ. Черты эти схвачены и указаны вѣрно; 2) излагаетъ *причины* измѣненій, произшедшихъ въ этой системѣ. Важнѣйшая причина, изъ которой проистекли болѣе или менѣе всѣ эти измѣненія, по его мнѣнію, заключается, *безспорно* (?) въ дальнѣйшемъ развитіи самаго быта нашихъ предковъ (стр. 139), именно въ образованіи *государственнаго* быта, вмѣсто прежняго *общиннородоваго*; 3) исчисляетъ *главныя явленія*, въ которыхъ обнаружилось вліяніе этого новаго начала на развитіе системы судопроизводства вообще и системы судебныхъ доказательствъ въ особенности. Все основное преобразованіе этой системы сочинитель признаетъ послѣдствіемъ распаденія общественной нравственности, а отчасти ослабленія общиннородоваго быта. Съ постепеннымъ разрушеніемъ его, мѣсто взаимнаго довѣрія заступило, будтобы, въ гражданскихъ отношеніяхъ недовѣріе, лицемѣріе, егоизмъ; нарушенія правъ и вообще частныя враждебныя отношенія стали чаще. Частныя сдѣлки, совершавшіяся безъ посредства правительства, не могли обезпечивать противъ обмановъ и злоупотребленій. Послѣдствіемъ всего этого была *система укрѣпленія гражданскихъ* правъ *письменными актами*. Впрочемъ самъ сочинитель, вслѣдъ за

этимъ, продолжаетъ, что эти акты составлялись *сначала для памяти*, отъ чего нѣкоторые изъ нихъ носили названіе *памятей*. Стало быть съ нимъ можно еще *поспорить* о главной причинѣ главнѣйшихъ измѣненій въ системѣ судебныхъ доказательствъ 2-го періода, т. е. объ ослабленіи *общиннородоваго быта* и о распаденіи отъ этого народной нравственности, и тѣмъ болѣе, что самъ онъ утверждаетъ въ слѣдъ за этими выводами стр. 150, что общинный бытъ долго еще господствовалъ въ сѣверной Россіи, именно въ Новгородѣ и Псковѣ, что тамъ онъ еще *развился* (?) и усилился, что этотъ бытъ Новгорода остался безъ развитія (?) до послѣднихъ дней его политической независимости; между тѣмъ въ системѣ судебныхъ доказательствъ Новгорода находимъ, между прочимъ, *управы* или письменные документы стр. 151, тоже и въ Псковской стр. 153 системѣ.

Обращаясь ко *второй части* разсужденія Г. Пахмана о судебныхъ нашихъ доказательствахъ втораго періода, именно къ очерку каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, находимъ въ ней, хотя краткое, но вмѣстѣ ясное и отчетливое изложеніе ихъ. Сочинитель пользовался при этомъ источниками и чужою разработкою ихъ; послѣднею впрочемъ не рабски, но съ критикою и самостоятельностію. Нельзя, однакоже, не замѣтить того, что, излагая систему судебныхъ доказательствъ втораго періода, онъ имѣлъ постоянно въ виду современную положительную и теоретическую. Отъ этого положенія и выводы, приписываемые фактамъ, иногда оказываются принадлежащими автору или новѣйшимъ системамъ. Таково напр. мнѣніе о необходимости *добровольнаго* признанія стр. 154, объ *устномъ* и *письменномъ* признаніи стр. 156, о *допросѣ* для полученія признанія (въ приведенномъ въ этомъ мѣстѣ текстѣ выражено увѣщаніе только подсудимаго, а не допросъ его) стр. 156, о необходимости присяги свидѣтелей передъ допросомъ ихъ стр. 175. — Наконецъ, выслушавъ положеніе сочинителя, что съ ослабленіемъ началъ быта общиннородоваго, *обыскъ* потерялъ значеніе *безусловнаго*, *несомнѣннаго* основанія въ рѣшеніи дѣлъ судеб-

ныхъ, стр. 199, спросимъ его: а развѣ прежде, когда не было обыска или когда авторъ замѣтилъ только слѣды его, онъ составлялъ безусловное доказательство? Какими историческими фактами можно подтвердить это? —

Изъ представляемаго разбора разсужденія Г. Пахмана видно: что оно непринадлежитъ къ числу обширныхъ историческихъ сочиненій; авторъ избралъ для своихъ изслѣдованій изъ системы гражданскаго судопроизводства предметъ, конечно, довольно важный, но вмѣстѣ спеціальный; 2) при изложеніи системы нашихъ судебныхъ доказательствъ онъ ограничился только фактическою разработкою ихъ; 3) вниманіе свое остановилъ преимущественно на первомъ періодѣ; 4) его историко-философскіе взгляды и начала, по мѣстамъ имъ высказанныя, оказываются большею частію шаткими и недостаточными. Съ другой стороны разсужденіе это обнаруживаетъ начитанность въ авторѣ и историко-юридическія свѣдѣнія, замѣчательный критическій тактъ и представляетъ отчетливую фактическую разработку предмета. Соображая то и другое, я нахожу совершенно справедливымъ удостоить это разсужденіе почетнаго отзыва, тѣмъ болѣе, что оно заставляетъ питать пріятную надежду, что Г. Пахманъ представитъ современемъ болѣе обширное историческое сочиненіе, которое доставитъ поводъ рецензенту его, просить Академію объ удостоеніи, а Академія удостоитъ его Демидовской денежной преміи.

35pg

3 2044 092 688 159